Новогодняя жена

Автор:
Екатерина Романова

Новогодняя жена

Екатерина Романова

Что делать, если твой муж загадал на Новый год новую жену и желание сбылось? Вариантов много: мстить, впасть в депрессию, напиться, устроить истерику. А можно назло всем бедам присмотреться к мужу по обмену и влюбиться в этого бесчувственного ледяного истукана. В конце концов, кто я такая, чтобы идти против воли межмирового агентства «Обменжён»? К тому же жизнь на Ирбисе полна приключений!

Новогодняя жена

© Екатерина Романова, 2019

© Оформление. Екатерина Романова, 2019

Файл для сайта ЛитРес

Все права защищены.Произведение предназначено исключительно для частного использования. Никакая часть электронного экземпляра данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для публичного или коллективного использования без письменного разрешения владельца авторских прав. За нарушение авторских прав законодательством предусмотрена административная и уголовная ответственность.

Подобные действия на территориях стран подписавших международные конвенции по авторскому праву влекут административную и уголовную ответственность в соответствии с действующим законодательством этих стран.

На новый год принято загадывать желания. А я что, рыжая что ли? Нет, ну, по природе рыжеватая, конечно, но сейчас не о том.

Желание!

Сосредоточимся.

Что пожелать замужней женщине, у которой есть квартира, машина, любимая работа, хорошая зарплата и даже цветок в горшке? Конечно же, под бой курантов я загадала то, к чему рано или поздно приходит каждая из нас: пузико! Да не пивное, что за мысли-то дурные? Ребенка хочу! Мальчика, девочку, двойню, может. Мы с Игорем никогда не говорили о детях. Мы вообще мало о чем разговариваем в последнее время. Он много работает, я много работаю, долги, кредиты, отдых раз в год в Таиланде. Все как у всех. Вроде бы все неплохо, но что-то не то.

И ведь только сейчас я задумалась, что последние пять лет мы не предохраняемся, но детей нет. Глупо надеяться, что дух Рождества, Святой Николай, Дед Мороз или кто там заведует канцелярией желаний, исполнит мою просьбу, но, сколько бы ни было нам лет, мы никогда не перестанем верить в чудо.

Хм. А вот у Игоря есть живот! Месяц на второй беременности потянет. Или, может, третий даже… Когда перепьет пива, там весь четвертый, не меньше!

Интересно, что муж загадал?

С утра мы, как обычно, поругались, и на этот раз причиной ссоры стала крышка унитаза. Он забывает ее поднимать – я проваливаюсь. Если не поднимаю я – забрызгивает, и я сажусь на мокрое. Сколько было сказано о взаимном уважении, необходимости идти на уступки или искать компромиссы – все без толку. В результате мы сидим за накрытым столом и не разговариваем друг с другом. Обоим стукнул тридцатник, а ведем себя хуже подростков. В гляделки

играем, сопим и не идем на уступки.

Под двенадцатый удар курантов муж опрокинул в себя рюмку водки, заел бутербродом с красной икрой, бросил сухое: «с новым годом» то ли мне, то ли традесканции, и ушел.

С новым годом… С очередным гадом! Год свиньи начался с того, что судьба подложила мне ту еще свинью. Впервые за все время мы с Игорем спали в разных комнатах. Я немного посмотрела телевизор, щелкая кнопки пульта, но когда поняла, что иду по шестому или седьмому кругу, выключила, легла на диван и, закрывшись пледом, уснула.

С новым годом, Кристина. С новым счастьем.

Сон приснился странный. Я блуждала по огромному холлу, залитому светом. Судя по обстановке – это аэропорт. Всюду люди, кто с сумками, а кто с такой же растерянностью на лице, как у меня. Табло прилетов и вылетов постоянно мелькало, меняя информацию. Голос по громкой связи объявлял о прибытии неких платформ или отбытии их же.

Наконец, мне навстречу вышла стюардесса. Блондинка с зеленым платком на шее широко улыбалась профессиональной улыбкой. Ее зубы приковали мое внимание: ровные, белоснежные, как из рекламы Блендамеда. Хочу такие же!

– Доброй ночи. Кристина Золотова?

– Откуда вы… А, это же сон. Да.

Я слышала о технике осознанных сновидений, но никогда прежде в них не участвовала. Точнее, пыталась, но у меня ничего не получалось. А тут такое развлечение. Трансерфинг реальности говорит, что в осознанном сновидении можно сделать все, что угодно.

Попробовала взлететь – не получилось. Подняла голову и развела руки… Бесполезно.

– Простите, что вы делаете? – продолжая улыбаться, полюбопытствовала стюардесса.

– Вы умеете летать?

– Увы, я не обладаю такой магией.

– Но это же сон. Во сне можно все, если захотеть.

– Простите, моя вина! – женщина склонила голову в знак извинения, и теперь я глазела не на улыбку, а на пилотку. Тоже зеленую, цвета сочной травы из бабушкиной деревни. В городах давно нет такой яркой, настоящей травы. А бабушки в деревне еще осталась. – Я – Алисия. Ваш личный менеджер из межмировой компании «Обменжён».

– Обмен чего?

– Жён. Мы специализируемся на удовлетворении мужской неудовлетворенности качеством своих вторых половинок.

Я усмехнулась. Алисия, сложив на узкой юбке ладошки в замочек, терпеливо ждала и улыбалась. От ее вежливой улыбки пробило на откровенный смех. Приснится же такое! В дурном бреду или нарочно не придумаешь.

– Я понимаю, довольно сложно все осознать за столь короткий период времени, но мы опаздываем, – Алисия пожала острыми плечиками и, положив руку мне на спину, неспешно пошла вперед. – Ваш супруг загадал новогоднее желание – новую жену, которая бы устраивала его по всем параметрам.

– Надо же, – горько усмехнулась. Сны – это работа нашего подсознания. Неужели оно подсказывает, что Игорь настолько недоволен нашим браком, что хочет найти другую? Нет, не просто изменить, а жену поменять! Я могу еще понять, когда мужчина налево ходит, но остаться окольцованным, просто с другой женщиной? – А я вот на новый год ребенка заказала. Совместного.

– Увы, ваш новый муж с этим помочь не сможет. У него проблемы. Ну, знаете, деликатного характера, – Алисия приподняла узкие бровки и покрутила

пальчиком в области местечка, откуда дети на свет являются.

– Да я и не планировала спать с чужим мужем!

– Вашим, Кристина, вашим новым мужем. Пока на тридцать дней, но, если графиня де Трувэ Игоря устроит, то вы навсегда останетесь с графом де Трувэ. Мужчина он обеспеченный, хороший, хотя довольно странный. Супружеский долг, как вы уже поняли, выполнять не придется, но кого это волнует, когда его годовой доход триста пятьдесят миллионов рошингов?

– Миллионов чего?

– Ваш новый супруг обязательно обо всем расскажет. Но от себя скажу – не каждой так везет, голубушка.

Резко остановилась. Этот сон перестает быть томным и забавным. Стюардесса улыбнулась, но теперь не профессионально, а хищно и снова подтолкнула меня в спину.

– Понимаю, понимаю, – прощебетала женщина, совершенно ничего не понимая. Ни на секунду ей не верю. Сплошь лживая и лицемерная особа. – Но нам нужно торопиться. Платформа на Ирбис отбудет через пять минут. Мы не особо часто отправляем туда землян, поэтому, если не хотите проторчать здесь ближайшие две недели, лучше поторопиться.

– У меня не летаргический сон, чтобы спать две недели.

– Вы не спите, – вежливо поправила стюардесса, а мне вспомнились правила общения с психами: никогда с ними не спорь и никогда не говори, что они психи. Вот только кто из нас двоих сейчас ненормальный? – Вы находитесь в распределителе. Это вневременное пространство, откуда мы переправляем людей в разные концы вселенной, в разные миры и даже в разное время. Ирбис – уникальный мир. Вы познакомитесь с магией, модой на веера и длинные платья, если повезет – побываете на балу и даже увидите дракона. Хотя, граф Трувэ довольно замкнут и лет десять не устраивал балы, – стюардесса задумалась и, тряхнув головой, снова подтолкнула меня в спину. – Идем, голубушка, идем. Ничего изменить уже нельзя. Для вашего бывшего супруга я подобрала идеальную женщину.

– Подождите, – я снова остановилась, но осеклась, когда поняла, что мы двигаемся. Участок пола, на котором мы стояли, просто оторвался и пополз вверх. Покачнулась, заметив, что земля остается внизу и наверняка бы свалилась, но нас окружали невидимые стены. Словно мим, поводила ладонью перед собой. Правда, стена. Невероятно!

– Не переживайте, Кристина. Не думаете же вы, что мы калечим людей? Все безопасно, но, если вам так спокойней, – она щелкнула пальцами и невидимые стены стали матовыми. Стало и правда спокойнее. Шутки с подсознанием плохи. Если мы не видим опасности, то чувствуем себя куда спокойнее, даже если она никуда не делась. Теперь я чувствовала себя в лифте, только бесшумном и плавном.

– Какую женщину попросил Игорь? Чем его я не устраивала?

– Сейчас уточню, – стюардесса достала из кармана зеленого пиджачка миниатюрный блокнотик и, перевернув листок, зачитала: – Сиськастую, не болтливую, чтоб мужа боялась и в постели исправно задницей шевелила, а еще чтобы поднимала после себя крышку унитаза.

– Мелочная задница!

– Да, вы правы, ниже приписка: чтобы задница как орех.

Фыркнула и, скрестив руки на груди, отвернулась. Это весьма похоже на Игоря. Он злопамятный и обидчивый. Очень долго способен злиться из-за мелочи и припоминать ее при каждом удобном случае. Каюсь, я тоже далеко не сахар, но ведь нужно уметь находить компромиссы! Да и стыдно как-то за супруга. Нет чтобы, не знаю, находчивую попросил! Предприимчивую, с высшим образованием. Так нет. Сиська и задница. У меня, между прочим, сверху уверенный второй. Снизу, конечно, не орех, но тоже вполне себе ничего.

– Приехали! – резко захлопнув блокнот, стюардесса снова щелкнула пальцами, и стены растаяли.

Увиденное словами описать невозможно. Космос? Гиперпространство? Тайный уровень в игре «Марио»?

Мы стояли на небольшом участке пола, за которым ничего не было. Вообще ничего. Фиолетово-черное ничего настолько, насколько позволяют видеть глаза. И только серебристые иглы то ли звезд, то ли неоновых ламп, то ли бог весть чего, освещали пространство. Оно едва слышно вибрировало и жужжало, будто рядом звенит лампа накаливания. И вся эта светящаяся конструкция шевелилась, переливалась, будто мчалась куда-то. С ума сойти… Вот сон так сон!

– А вот и ваша платформа. Наконец-то, мне пора встречать новую клиентку.

Откуда-то снизу к нам подплыло нечто, похожее на мини-субмарину или какой-то футуристический летательный аппарат. Внутри – комфортабельное кресло с множеством ремней и несколько кнопок на приборной панели. Все это дело закрывается стеклом.

Когда это подплыло к нам, стекло разъехалось в стороны.

– Залезайте.

– Нет, спасибо, – я отпрянула от сомнительного транспорта, но чуть не свалилась вниз.

– Кристина, будьте благоразумны! Обратно уже ничего не переиграть. Садитесь, иначе мне придется оказать вам помощь!

Судя по нездоровому блеску глаз, помощь мне такая не понравится. Женщина я благоразумная, потому проявила, что просили, и устроилась в кресле. Капсула немного качнулась, принимая мой вес.

– Ну, наконец-то! – стюардесса вздохнула с явным облегчением и, отсалютовав мне, попрощалась: – доброго пути. Спасибо, что пользуетесь услугами платформы «последний путь».

– Последний что? – я испуганно дернулась, но внезапно со всех сторон выпрыгнули ремни и, взвизгнув, мертвой хваткой пристегнули меня к креслу. – Что за… Эй!

Я попробовала освободиться – но не получалось. Пол под стюардессой провалился, и она медленно поплыла обратно вниз на странном лифте. Стекло в моей капсуле поднялось.

– Ориентировочное время полета – пятнадцать секунд. Особо впечатлительным особам просьба закрыть глаза и задержать дыхание.

Я его и так задержала и, кажется, немного описалась от страха. Или просто вспотела. Вспотеешь тут, оказавшись намертво пристегнутой ремнями в кромешной тьме посреди космоса!

– До старта три, два, один, полетели!

Здесь я оставлю множество самых неприличных матерных слов, вместе со своим желудком, сердцем и другими органами, потому что они остались где-то очень-очень далеко, когда меня буквально размазало по креслу, как паштет по хлебу. Капсула тряслась, вокруг мельтешили яркие разноцветные огни, и я неслась куда-то вперед со скоростью, превышающей все разумные и даже фантастические пределы. Нос капсулы горел, буквально горел, но почему-то фиолетовым пламенем! Стекло запотело и к лучшему, я мало что видела, но даже того, что видела, хватало для дикого ора.

Это были самые страшные пятнадцать секунд в моей жизни и, когда я резко села в кровати, вся сырая от страха, у меня сердце из ушей выскакивало.

Тыгыдык-тыгыдык-тыгыдык…

Воздух рвал легкие, руки тряслись, в глазах плыло, по лицу, спине и груди стекал пот, а сердце вовсе с ума сошло и никак не желало успокаиваться. Будто внутри табун лошадей бьется.

– Это сон, – шептала, растирая лицо ладонями. – Это просто дурной сон… Дурной, очень-очень бредовый сон…

– Госпожа, вы в порядке?

Вот теперь сердце остановилось. Пропустило пару ударов. Убрала руки от лица. В дверях застыла девушка весьма странного вида. Сейчас таких не встретишь: круглолицая, румяная, в чепчике, из-под которого торчали пышные черные кудряшки. Она держала в руках серебряный кувшин с длинным узким горлом и смотрела на меня с тревогой.

– Вам приснился плохой сон? – она подошла к кровати.

– Он мне до сих пор снится, – я закрылась одеялом по шею и отодвинулась на другой край постели. Не моей постели!

Я точно помню, что уснула на диване. Но, даже если бы Игорь и расщедрился перенести меня в супружескую кровать, она и вполовину не такая широкая. И уж точно у нас нет балдахина и всего… вот этого… как бы оно ни называлось и чем бы ни было.

– Вы такая забавная, – девушка звонко рассмеялась и, поставив кувшин на прикроватную тумбочку, достала из-под кровати таз. – Желаете умыться? Вы совсем мокрая! И чего это только слуги говорят, что вы – скверная особа. Вовсе вы не скверная, вы…

Девушка замолчала и испуганно прикрыла рот ладошкой.

– Ой. Простите, графиня! – она плюхнулась на колени и брякнулась лбом о деревянный пол. Я даже вытянула шею, чтобы убедиться – не расшиблась ли. – Не ведаю, что болтаю, не велите наказывать, прошу…

В такой странной позе нас застал еще один персонаж. Высокий худой мужик с пышными седыми усами. Волосы у него тоже были седые и тоже пышные. Чем-то он мне Эйнштейна напомнил, только если бы тот обладал английской выправкой.

– Доротея, что происходит?

Я сглотнула и села обратно в кровать, впившись двумя руками в одеяло, словно в спасательный круг. Я тонула. Совершенно точно тонула. Не может сон быть настолько реальным, чтобы… Все вот это. Запахи, например! От воды из

кувшина на всю комнату разило розмарином и лавандой! Как токсиколог я очень хорошо разбираюсь в запахах. И еще все эти лица… Во сне, как правило, лиц нет. Есть образы и довольно смазанные, но я могла разглядеть каждую морщину на лице как пить дать дворецкого: фрак, выправка, надменный взгляд – все выдавало мажордома, не меньше. Да и наряд Доротеи слишком подробный. Вот дырочка на белоснежном воротничке, аккуратно заштопана, но все равно видно стежки. Или сбитые носки кожаных туфель, с глубокими такими царапинами. Не может такое присниться. У меня не настолько богатое воображение.

– Ну? Я жду! – крикнул мужчина. Я вздрогнула. Звук его голоса словно молотом по голове ударил. Она и без того болела, а бедная Доротея, уже стоя на ногах, испуганно теребила кружевной передник и всхлипывала носом.

– Вы не могли бы не кричать? – вместо голоса какой-то сип. Прокашлялась, но это не сильно исправило ситуацию: – У меня голова раскалывается.

Дворецкий перевел взгляд на меня, сощурился, как мой учитель математики в пятом классе, сделал несколько шагов и, чуть подавшись вперед, осторожно спросил:

– Графиня… де Трувэ?

– Эм… да? – произнесла неуверенно, приподняв брови.

– Вы меня спрашиваете?

– То есть… Блин, да это бред какой-то! Нет, конечно же! Кристина Золотова я! Верните меня домой!

– Слава Необъяснимому! Доротея, немедленно переодень графиню! Мы идем к графу!

– Г-графу? – девушка даже заикнулась. Не очень ей хотелось к графу идти. Видимо, так себе мужик. Да и, учитывая, что о нем наговорила Алисия… Я так полагаю, глубокий старик. Если ему жена тоже не угодила, должно быть, злой, требовательный и невменяемый.

Стоп. Мне какая вообще разница? Я домой хочу.

– К графу, да, – Эйнштейн подошел к окну и резко дернул шторы, впуская в комнату яркий солнечный свет. Пришлось зажмуриться и в этот момент на кровать полетели какие-то тряпки. Когда глаза привыкли, поняла, что это наряды. – Шевелись же, Доротея! Обменжён прислал нам новую хозяйку!

– Правда? – Доротея встрепенулась и посмотрела на меня с интересом.

– Не правда, – покачала головой, пытаясь отстоять одеяло, которое с меня нещадно стягивал пусть будет дворецкий. Какой сильный старикашка! А с виду и не скажешь! – Чистейшая неправда!

Рывок и я осталась без одеяла в одной…

Нет, никаких надежд, что это сон. Безразмерная хламида до самых пяток мне не могла присниться. Я вообще люблю спать без ничего, такое бы даже в дурном сне на себя не надела.

– Доротея, да что же ты стоишь, как вкопанная? Торопись! Нужно показать ее хозяину!

– Не нужно, – схватила подушку и закрылась ей, словно щитом, но и последнюю защиту у меня отобрали.

– Нужно, графиня, очень нужно! Граф вам все объяснит, расскажет, что произошло! Спасение вы наше… Ой…

Дворецкий брезгливо повел носом.

– Ванну. Доротея, приготовь ванну. Нельзя вести ее к хозяину в таком виде. Леди не должна так пахнуть.

– Не нравится – не нюхайте!

Эйнштейн замер с поднятыми бровями. Хлопнул ресницами, хлопнул другой раз. Потом они с Доротеей переглянулись.

– Графиня, вы только графу так дерзко не отвечайте, пожалуйста. Он же не поймет. Он ведь не посмотрит, что иномирная, накажет ведь…

Обалдеть! Не нравилось ссориться с мужем из-за крышки унитаза? Да не проблема, получи нового, которому вообще слова поперек сказать нельзя.

– И как в вашем мире наказывают? – надо сразу знать, к чему готовиться.

– Сошлет на конюшни, или…

– Не болтай! – отрезал дворецкий. – Благородных никто на конюшни не отправляет! Запрет в башне на неделю для лучшего послушания или магии лишит.

– Но… У меня нет магии…

Снова два перепуганных взгляда.

– Вы точно все правильно сделали?

Вместо ответа Доротея получила такой взгляд, что прикусила язычок и вообще скрылась за дверью. Судя по журчанию воды – там ванная. Ох, вот увижу сейчас дырку в полу вместо унитаза и все, прыгну туда, в надежде, что она окажется чем-то вроде того лифта, на котором меня Алисия в эту дыру отправила. Верните меня обратно! Мне завтра на конференции с докладом выступать по экстренному оказанию помощи пострадавшим от укуса неопознанных ядовитых животных. Я полтора года универсальное противоядие разрабатывала! Оно, конечно, не отменяет необходимости ввести направленное, но существенно повышает шансы пациента на выживание и позволяет стабилизировать его состояние для транспортировки или на время ожидания скорой помощи.

Так, что это получается? Плакал мой доклад? И мой грант? Пять миллионов на исследования – это внушительная сумма!

– Так, Альберт!

– Меня зовут Этьен.

– Кристина, – правила хорошего тона никто не отменял. Я выбралась из постели и протянула руку для рукопожатия.

– Простите, но вас зовут Мадлен де Трувэ. И благородным дама не пристало подавать руку для поцелуя прислуге.

Приподняла бровь, убрала ладонь, вздохнула. Это будет тяжелее, чем мне хотелось думать.

– Хорошо, – заправила растрепавшиеся волосы за уши и собралась с мыслями. – Этьен, я понятия не имею, как оказалась здесь, на… Ирбисе?

– Да, наш мир называется Ирбис.

– Отлично. Я против вашего мира ничего не имею, но очень хочу вернуться обратно. Все это – какое-то жуткое недоразумение. Я не подавала никуда никаких заявлений, а Игорь, он дурачок просто злопамятный. Наболтал лишнего. Он на самом деле так не думает и не нужна ему другая жена.

– Если бы была не нужна, вы бы здесь не оказались.

– Ваша ванная готова, – Доротея вытерла ручки о полотенце и пригласила в помывочную.

– Как мне вернуться домой?

– Согласно правилам межмирового агентства, обмен женами осуществляется на срок тридцать дней.

– И через тридцать дней я смогу вернуться домой? – вот она – надежда. Ее свет так сладок и приятен.

– Не совсем.

Ну конечно же!

– Об этом вам лучше поговорить с хозяином. Но сперва, пожалуйста, примите ванну. Я пока распоряжусь насчет обеда и подготовлю графа к встрече.

Готовить мужа к встрече с женой? Это как, психологически или физически? Ох… Воображение рисует тот еще образ!

Что ж. Тридцать дней – это хотя бы какая-то конкретика. Эйнштейновское «не совсем», конечно, оптимизма поубавило, но луч надежды еще теплится. Не хочется думать, что я сошла с ума, но происходившее вокруг не походило ни на галлюцинации, ни на бредовое состояние, ни на сон. Мне, как ученому, сложно поверить в существование иных миров или магии, но…

– Как? – прошептала, осматривая покои некой Мадлен де Трувэ, которая сейчас, стоит полагать, проснулась на диване рядом с шикарно накрытым новогодним столом. Выглянула в окно – снег. На сотни метров вокруг пышный голубовато-розовый снег, сверкающий на солнце и заполнивший собой все вокруг: крыши дворовых построек, деревья, какие-то бочки, мешки, ящики… С моего этажа окрестности хорошо просматривались.

– Графиня?

Доротея деликатно напомнила, что от меня пахнет.

– У вас уже был Новый год?

Девушка звонко рассмеялась, но спохватилась и, похихикав в ладошку, спросила:

– А как новый год может пройти? Если он прошел, значит, он уже не новый, а старый!

Впервые с момента этих странных событий, я тоже улыбнулась. Удивительно светлая и добрая девушка. На Земле я таких вообще не встречала. Работает служанкой в доме богатого дяди, а, кажется, счастлива. Некоторым для счастья так мало требуется.

– Это праздник. На Земле он называется Новый год. Мы празднуем ночь, которая разделяет один год от другого.

– А, вы имеете в виду ночь Необъяснимого? Когда все планеты сходятся в одну прямую линию и возможно исполнение любых желаний?

– Любых? – вмиг заинтересовалась, но Доротея снова рассмеялась.

– Так ведь детская сказка же! Конечно, нельзя без необходимой магии исполнить любое желание. Но все равно ночь Необъяснимого – особенная. Вы это почувствуете. Она уже скоро совсем – через тридцать дней. Вам понравится! Жобер каждый год печет персиковый пирог с творогом и изюмом, утку в апельсинах, рыбу в лимонах…

Девушка замечталась, перечисляя блюда местного шеф-повара, на что мой желудок ответил завистливым урчанием. Что б мне так жить! Это тебе не бутерброды с красной икрой раз в год. Тут настоящий пир на весь мир!

– Ах, что-то я замечталась. Идемте, хозяйка.

Помыться и правда не помешает. С вынужденным супругом, каким бы он ни был, лучше выстроить доброжелательные отношения. Тридцать дней могут пролететь как один миг, а могу показаться вечностью. Мучительной, долгой и отравляющей душу…

Как мой брак с Игорем.

Поймала себя на ядовитой мысли и поспешила за Доротеей. Никогда не анализировала свой брак. Я привыкла терпеть. Человек вообще быстро ко всему привыкает, особенно женщина. Пропали цветы и подарки – ладно. Пропали ласковые слова – да кому они нужны? Начались ссоры – а какая семья без них? Стал задерживаться на работе – я и сама много работаю. Список можно продолжать бесконечно, но, если посмотреть критически, что дали мне последние пять лет? Помимо степени кандидата медицинских наук, конечно? Прядь седых волос, невроз навязчивых движений и неуверенность в себе, как в женщине. Я бы, наверное, всю жизнь прожила с Игорем, не подложи он мне такую свинью.

Свинья в год свиньи.

– Доротея, а у вас свинина есть? – спросила, скидывая с себя халат.

Я медик, обнаженным телом меня не напугать, да и чего там может быть нового? Раздеваться при служанке я совсем не стеснялась.

– Конечно есть, госпожа. Желаете к ужину? Графиня де Трувэ не любила жирное мясо. Предпочитала кушать голубя или лебедя.

– Лебедя? – скривилась, погружаясь в горячую ванну, пропахшую маслами. – Роза и лаванда?

Девушка удивилась, но потом улыбнулась и продолжила намыливать большую грубую губку. С виду она вообще похожа на щетку для чистки машин и, подозреваю, процесс помывки в этом мире не из приятных.

– У вас тонкий нюх, хозяйка! Прежня графиня даже не замечала. Но я всегда добавляю масла и соль. Они расслабляют тело и улучшают кожу.

– Верно. А вы знаете, что лавандовое масло можно использовать как экстренное противоядие при укусе змей.

– Правда?

– У вас здесь есть змеи?

– Полно. На Ирбисе очень много ядовитых змей. Крестьян постоянно кусают. Наш лекарь перевязывает конечность, а потом отрезает.

Я подавилась воздухом. Доротея бросила губку и поспешила постучать мне по спине.

– Что значит, перевязывает? Как отрезает?

– Только так можно спасти от гибели. Лучше жить без руки, чем не жить вовсе. Хозяин закупает противоядия, но в королевстве их на всех не хватает. А лекарей с магией, способных спасти от яда прыски или гарюзы и вовсе единицы. Такой только у короля есть, да, может, еще где…

Девушка задумалась, а потом добавила сникшим голосом:

– Два года назад у меня братишка умер. Игрался в поле с другими ребятишками, случайно наступил на гарюзу и… Как только проникла – не понятно! Ведь везде стоят ловушки, магические отпугиватели… Все равно проползают!

– Я обязательно побеседую с вашим местным лекарем, Доротея. Я – токсиколог по образованию, специализируюсь на ядах и противоядиях.

– Надо же! Возможно, Необъяснимое оказалось мудрее всех нас взятых, и вы действительно сможете нам помочь.

– В чем?

В двери ванной постучались.

– Графиня, пожалуйста, поспешите. Граф желает видеть вас незамедлительно.

Ага. «Вот-прям-щас». Выбегу в неглиже и предстану перед графом, одетая в пену. Как там говорила мой проводник в мир иной? У графа ниже пояса не работает. С одной стороны, это даже хорошо…

Доротея замахала руками, засуетилась, бросилась к щетке и принялась меня намыливать. Я отказалась от помощи, потому что помыться самой выйдет куда быстрее. Пока служанка занималась нарядом, я закончила туалет. Уже закутываясь в махровый халат, заметила на небольшом возвышении фарфоровый трон. Тот, куда каждый лень ходят. В углу стоял вполне себе человеческий унитаз с опущенной сидушкой! Опущенной, Карл! Садись и не проваливайся!

Служанка встретила меня в комнате с платьем наготове и наряжала так быстро, что болиды Формулы-1 на пит-стопе обслуживают и то медленней. Да, Игорешка

любитель гонок. Сначала мы болели за Феррари, потом за Макларен, потом за Рено, потом снова за Феррари. Как по мне, нет ничего более глупого, чем несколько часов следить за движением разноцветных точек по кругу. Я еще могу понять футбол. Там хотя бы на мужские фигуры полюбоваться можно, на мускулы, мордашки симпатичные, а тут один визг тормозов и гул двигателей. Возможно, мужчин это и заводит, но лично я круге на пятом всегда глубоко и сладко засыпала.

А тут, на Ирбисе этом, кажется, даже телевизора нет. Это что, получается, я любимый сериал посмотреть не смогу? Блин. Там как раз Арабэлла с Хосе Игнасиасом поамурничать должна. Эх! Я горестно вздохнула, рассматривая себя через зеркало. Пять лет вроде как счастливого брака, а ни одной обещанной мурашки. Дитя любовных сериалов, я мечтала, что и у меня так будет. Увижу Его, и по телу сладостная дрожь. От одного прикосновения чтобы в груди пекло, а внизу сжималось томно. Чтоб взгляд – как пуля навылет, и воздух в легких кончался, когда мы рядом…

Ну, почему, были у нас с Игорем и поцелуи под луной, и романтические посиделки на заднем ряду в кинотеатре, но это так быстро прошло, что и не вспомнить уже. А кино посмотришь и прямо на душе легче. Словно сам пережил эту влюбленность. Почему нельзя всю жизнь так? Или это я неудачница такая? Может, со мной что-то не правильно…

– Ай!!!

– Ой, простите, госпожа, перестаралась!

Доротея так туго затянула корсет, что у меня едва ребра не хрустнули. Что-то я в излишнюю рефлексию ударилась и выпала из реальности. Или впала в нее? В голове не укладывается, что все эти пышные платья, резные колонны на кроватях, зеркала в мощных рамах и личные помощницы, как их там по-умному называют – моя новая реальность.

Девушка ослабила корсет, но сделать вдох полной грудью у меня все равно не получалось.

– Что за пыточное приспособление? Как в нем дышать? А есть как?

– Зачем? – изумилась Доротея, продолжая свое неблагородное дело.

Она ловкими движениями утягивала то, что в принципе в утяжке не нуждалось. Я своей фигурой более чем довольна, зачем мне талия в тридцать сантиметров? Меня и мои шестьдесят четыре устраивают в полной мере! Красивый, конечно, корсет, ярко-зеленый, с золотой вышивкой, но не стоит оно того. Вот серьезно!

– В смысле, зачем? Это, как бы, естественные человеческие потребности.

– Корсет надевают, чтобы быть красивой. Это единственная естественная потребность знатных женщин Ирбиса.

– Если я есть не буду, я умру. Нет у меня таких потребностей.

– Хотите, открою секрет? Я слышала от маменьки, что придворные дамы во дворце питаются только медовой водой, а с наступлением темноты они хватаются за свечки и несутся на кухню, где под покровом ночи набивают желудки до отказа. Так и живут до следующей ночи.

Ну, Игорь! Ну, попляшешь ты у меня еще! Встанет тебе бутерброд с красной рыбкой поперек горла!

– Не затягивай так туго. Я планирую несколько расшатать ваши местные порядки.

– Как прикажете, госпожа!

Благо, Доротея прислушалась к моей просьбе и ослабила шнуровку. Наряд от этого хуже не стал, зато я почувствовала себя лучше. Живой хотя бы.

К слову, о наряде! Нижнее платье – это я понимаю. Длинное, хлопковое, без рукавов и на мягком корсете. Но вот то, что под ним… С позволения сказать, панталоны меня откровенно шокировали. На Ирбисе, уж простите за подробности, дамы носят некое подобие шароваров с дыркой в самом любопытном месте. Нет, ну я понимаю еще, липучка была бы или пуговичка, но нет. Дырка! Таких размеров, что родить можно, трусов не снимая.

– Доротея. Такой вопрос, чисто технического характера. Дырка в шароварах зачем?

Уж явно не для прелюбодеяний, как я могла подумать. Хотя, кто его знает. Вдруг на Ирбисе дикие порядки. Обуяет благоверного страсть, как налетит, как отлюбит! Хотя, это все мои фантазии, конечно. С виду кажется, что у них тут романтичное средневековье, но курсы-то истории всю романтику развенчивают. В хламидиях, сифилисе, бастардах и бабках с зельями от нежелательной беременности лично я романтики не наблюдаю. А с отхожими местами в средневековье так и вовсе атас был.

– А как ее сиятельство планирует облегчаться? – полюбопытствовала Доротея.

– Облегчаться? Ах, это… Ну, допустим. Хорошо.

Сомнительное какое-то приспособление. Решила, если придется здесь задержаться, сошью себе пару трусов. Это только кажется, что все безобидно. На самом деле куча лишней ткани между ног, мягко говоря, напрягает. К тому же продувает все насквозь, а резинки панталон давят на бедра. Точно перешью! Чему только ни научишься, когда нужда настанет!

Потянулась, чтобы опустить резинки пониже, но Доротея грозно кашлянула.

– Сейчас самый ответственный момент, госпожа!

Помощница взялась за мои волосы, а я пока наряд разглядывала. Если бы не корсет с панталонами – вполне себе ничего. У моей бабули на даче висят тяжелые гобеленовые шторы. Вот именно их и напоминал мой наряд. Темно-зеленые завитушки с золотой вышивкой смотрелись красиво и богато, но…

Ну, я не знаю. Надо на других дам посмотреть. Может, это нормально у них.

– Какая вы красавица! – восхитилась Доротея, разглядывая результаты своих трудов.

С прической она заморачиваться не стала. Зачесала мои волосы, заколола верхние пряди красивой заколкой с каменьями, а из нижних сплела несколько

кос, переплетенных между собой. Здорово. Нет, серьезно. Прическа мне очень даже понравилась.

Опустила взгляд ниже и подняла бровь.

– Доротея, а вот это, – я указала пальцем на свою грудь, – нормально?

Корсет плотно обхватывал и приподнимал мои немаленькие груди, которые прямо-таки выскакивали из-под грубой ткани. Этакие наливные яблочки на блюдечке.

– А это чтобы граф слишком грубым не был, – смущенно заметила девушка и потупила глазки.

Однако…

Почесала переносицу и смолчала. Что там у меня за муж такой, если его буферами задабривать нужно? У него же не работает задабривалка, или Алисия меня обманула?

– А никого не смутит, что я, как бы, вовсе не графиня Мадлен? Это же очевидно.

Указала на зеркало, из которого смотрела Кристина Золотова, наряженная в иноземное платье и увешанная драгоценностями, которых у нее сроду не водилось. Игорь за всю жизнь мне одно украшение подарил: обручальное кольцо. Все. Женщину, говорит, успехи мужчины украшают. Не спорю, он добился повышения, стал директором по снабжению в крупной нефтедобывающей фирме, но вряд ли его должность можно считать подарком мне…

– Ваше сиятельство, не знаю, как это работает, но мы с господином Этьеном видим по-прежнему графиню де Трувэ.

– О как…

Еще раз посмотрела в зеркало. Никакой графини, только старая добрая я. То есть молодая сердитая я.

– Ладно, идем. Посмотрим, что там у меня за муж.

Помощница кивнула и, поправив чепчик, повела меня из комнаты.

– Только вы, пожалуйста, постарайтесь с ним не разговаривать так, как со мной разговариваете. Дамы на Ирбисе кроткие, словно голуби и мудрые, как совы.

И хитрожопые, как лисы. Иначе оказалась бы эта Мадлен сейчас на моем месте? Очень в этом сомневаюсь!

Так, если муж, тот, что настоящий, заказывал даму с определенными параметрами, значит, он увидит Мадлен, а не меня! Получается, и граф увидит меня, а не свою жену? Или не увидит? О, господи, как тут у них все запутано! Мне бы сюда эту Алисию на пару минут для тройки добрых непечатных слов…

В принципе, я представляла, что увижу за дверьми комнаты, бывала в Эрмитаже, играла в принцесс в детстве, фильмы исторические смотрела. Но увиденное меня несколько озадачило. Точнее, дополнило психологический портрет предполагаемого мужа. Чует мое местечко, прикрытое лишь дырочкой на панталонах, что хлебну я с ним горя куда больше, чем с Игорем.

– А! Я поняла! – резко остановилась посреди коридора, больше похожего на стерильный морг. – Где-то здесь скрытая камера! Ну, точно! Это передача для женщин, которые недовольны мужьями! Сейчас вы покажете мне настоящего монстра, доведете до истерики и, когда я осознаю, что мой муж на самом деле идеал по сравнению с этим убожеством, когда буду готова умолять Игоря и дальше поднимать крышку унитаза, когда буду плакать кровавыми слезами и попытаюсь выпрыгнуть из окна, лишь бы не продолжать это шоу, вы мне скажете: «сюрпри-из»! Из-за угла выскочит Игорь с букетом красных роз и…

– И? – тревожно переспросила Доротея.

– И по морде ими получит! Потому что нифига это не смешно! Серьезно! Где у вас камера? Где она?

Посмотрела по сторонам. Тут должна быть камера! Я чуть было не поверила во весь этот бред с перемещениями на некий Ирбис и прочим, что о самых

очевидных вещах не подумала! Да полно передач, где над людьми так издеваются. А потом вся страна меня по ящику будет смотреть и хохотать. Еще чего не хватало, чтоб пьяные рожи развлекались за мой счет, пожевывая оливье, пока я тут страдаю.

Заглянула за картину какой-то надменной бабки, обошла по кругу статую в виде загнутой коряги, заглянула за диван, осмотрела со всех сторон зеркало в тяжелой серебристой оправе – нет нигде. Не может такого быть. Здесь точно есть камера! Перевела взгляд на Доротею. Сложив ладони за спиной, она с невозмутимым видом ждала, пока я завершу поиски.

– Доротея! – обличающе ткнула в нее пальцем и расхохоталась. – Ну, точно! Уверена, что у тебя на голове парик, а там, за воротником микрофон спрятан! Ну, снимай же свой парик, снимай давай!

– Ваше сиятельство, что вы делаете? Отпустите, пожалуйста!

Я еще несколько раз дернула за чепчик и торчащие из-под него кудри, но уже не так сильно и в страхе отпрянула. Девушка сжалась в комочек и отступила к стенке, косясь на меня перепуганными глазами, полными слез.

– Они… Они настоящие? – произнесла ошарашено.

Я была уверена, что Доротея на самом деле какая-нибудь Дарья Звездная или Дори Мармеладная. Ведущая центрального канала или, на худой конец, блогерша из You tube, но, похоже, вариант с камерой и телепередачей отпадает. Блин! Неловко-то как!

– На… Настоящие, госпожа, – всхлипнула Доротея, робко поправляя чепчик.

– Прости, пожалуйста. Я подумала, что все это дурной розыгрыш.

Хотела помочь девушке, но она отпрянула от меня, как от огня. Остановилась и подняла ладони. Нас учили правилам встречи с дикими животными. Я ж токсиколог все-таки. С перепуганными людьми, как ни странно, тоже работает.

– Доротея, – произнесла мягко, не двигаясь с места. – Все хорошо. Я не обижу тебя. Представь, если бы ты попала в другой мир, где для тебя все чужое. Ты бы поверила в это?

– Поверила бы. Это не такая уж редкость.

Промашка. Ладно, исправляемся.

– А в моем мире нет магии. И уж тем более никаких путешествий в другие миры. Мне очень сложно поверить, что все происходящее – правда. Что бы ты почувствовала, оказавшись так далеко от дома?

Доротея задумалась и, шмыгнув носом, произнесла:

– Я бы очень испугалась, госпожа. Очень-очень.

– А когда человеку страшно, он совершает импульсивные поступки. Прости, что обидела тебя. Позволь я помогу с волосами и чепчиком?

Доротея смущенно отвела взгляд и пожала плечами.

– Можно?

Она несмело кивнула, и я медленно подошла ближе. Девушка, оказывается, молоденькая совсем. Лет семнадцать-восемнадцать. Сперва она мне куда старше показалось, но когда я снимала с нее чепчик и кудри укладывала, разглядела получше.

– Сколько тебе?

– Семнадцать, ваше сиятельство.

– Но ты умна не по годам. Смелая, работящая, не побоялась помочь чужеземке. Ты молодец, Доротея.

Я завязала кружевной чепчик на бантик и поправила торчащие из-под него кудряшки. Теперь ни следа от моего нападения не осталось.

– Мир? – протянула ладонь. Девушка улыбнулась в ответ и протянула мне свою худую ручку.

– Мир.

– Сюрприз!!!

Я вздрогнула и завизжала, когда из-за угла выскочило нечто, похожее на смесь лошади и дикобраза, только в розовых рюшах и бантиках. Благо, визжала не я одна. Доротея тоже голосила от души. Можно сказать, отчасти я предсказала будущее. Сюрприз удался, вот только без камер и ведущих.

Успокоились мы далеко не сразу. Даже, когда девочка сняла с себя странноватый костюм и отдала его служанкам, мы все равно с Доротеей жались друг к другу, обнимая оказавшуюся промеж нас статую той самой изогнутой коряги, которая мне так не понравилась. Нормальный человек не поставит в своем доме такую нелепицу.

Так, я сейчас не об искусстве. Девочка, Кристина! Это просто человеческая девочка лет восьми. Ты ведь загадывала на Новый год детей. Пожалуйста. Ребенок. Наслаждайтесь, радуйтесь, благодарите.

Пауза затянулась, а взгляд крохи, по-деловому скрестившей ручки на подоле сапфирового платья, стал презрительно-уничижительным. Ого. В такие годы и такой взгляд! Страшно представить яблоню, с которой упало такое яблочко!

Погодите… Погодите-ка…

Отцепилась, наконец, от статуи и от Доротеи, прокашлялась.

– Вы не моя мама! – наконец, вымолвило не по годам разумное чадо.

– Как догадалась-то?

– Моя мама никогда не пугается моих костюмов. Она их осуждает. Говорит, что леди не пристало баловаться. А я – люблю! – возмущенно воскликнула девочка, словно я ей это запретила.

– Да балуйся на здоровье, мне-то что.

– И вы не станете мне запрещать?

– С какой стати? Ты же ребенок!

Девочка сделала такое лицо, что я чуть собственными словами не подавилось. Такое чувство, будто я ее прокляла или, как минимум, оскорбила.

– Простите, я должна вас представить друг другу! – Доротея попыталась замять недоразумение, но недоразумение не заминалось.

Девочка пыталась испепелить меня взглядом, а я старалась мимикрировать под шелковые обои стального цвета. Боюсь, слиться с ними я смогу только через полторы недели прилежного гниения.

– Запомните, госпожа. Вы никогда, – отчеканила она. – Никогда-никогда, ни при каких обстоятельствах не станете моей матерью!

Фух, я-то думала, оно-то оказалось!

– Да я, как бы, и не стремлюсь, дитя, – призналась откровенно, и девочка переменилась в лице.

– Нет?

– Не-а.

– Леди не пристало так вульгарно выражаться!

– Придумала! – улыбнулась и присела на корточки, чтобы быть одного с девчонкой роста. – Вы, юная графиня, могли бы дать мне пару уроков этикета?

– Начнем с того, что я не графиня, а баронесса! Анахель де Трувэ, – она сделала изящный реверанс и удостоила меня высокомерным взглядом. – А вы очень невежественны! Не знаю, получится ли слепить из вас образец добродетели, морали и нестяжательства. Не уверена в этом.

– Ух ты… Впервые вижу такую невероятную зануду! – закатила глаза и поднялась. – Ну, нет так нет. Найду кого-нибудь другого.

– Я не сказала, что не стану помогать! – возмутилась Анахель.

– Но и не согласились.

– Но и не отказала! – девочка топнула ножкой и кулачки сжала.

Заметка. На провокации дети всех миров ведутся одинаково.

– Не пристало юной леди так вульгарно топать ножкой! – передразнила девочку. Та поджала губы, внимательно изучая мое лицо, а потом расслабилась и улыбнулась.

– Вы не так безнадежны. Сколько классов образования?

– Вообще-то, я кандидат медицинских наук.

– Разве у наук могут быть кандидаты? – она задумалась, но быстро утратила интерес к этой мысли. – Неважно. Жду через час в комнате для занятий.

Сделав реверанс, девочка с ее сопровождающими удалилась.

– Какая осанка! Словно палку проглотила! А выражение лица? У нее что, паралич?

– Баронесса пошла в отца. Очень дисциплинированная и послушная девочка. Иногда изволит шалить, но редко очень. Надеюсь, вы подружитесь.

В отца? У-у… Кажется, мой муж – совсем запущенный случай. Наверное, как мой научный руководитель. С ним пошутишь иной раз, так с консультации может выгнать.

«Токсикология, Кристина Андреевна, не повод для шуточек!» – грозно повторяет он, сурово сдвинув брови. А как тут не смеяться, когда почтенный старец с должной старательностью изображает разновидности судорог при укусах разных видов змей?

Усмехнулась и вернулась к мыслям о девочке. Хотела детей, Кристина? Пожалуйста. Вот тебе ребенок. И, можно сказать, даже вроде как и твой. Люби и жалуй, воспитывай не балуй. Работай, с чем есть. А что, неплохой опыт на самом деле. Поучусь находить общий язык с молодым поколением. Хотя это больше похоже на то, что вселенная пытается меня отговорить быть матерью. Но ничего, я так быстро не сдаюсь.

– Да где же вы застряли? – пробурчал Эйнштейн, выбежав из-за угла совсем уж не по этикету. Сомневаюсь, что этикет какого-нибудь мира и столетия дозволяет мчаться так, что усы в разные стороны развеваются. – Идемте, живей! Граф уже нервничает!

– Ух, вы посмотрите! Новопасситу на него не напасешься! Идемте, Альберт, идемте!

– Этьен! – недовольно поправил дворецкий, то и дело оглядываясь. Будто громкий стук каблучков за его спиной может оказаться только иллюзией. – Сюда, прошу!

Мы поднялись по мрачной лестнице прошли мимо зашторенных темно-серым гобеленом штор и свернули в такой же стерильный коридор, что и этажом ниже. Хоть бы одна пылинка! Хоть бы одна детская игрушка или, не знаю, расческа, шпилька, брошка, бокал с недопитым соком или раскрытая книга… Да хотя бы фантик от конфеты за тахтой, чтобы знать, что здесь живут обычные люди, а не роботы.

Ничего! Никаких личных вещей, фотографий, признаков жизни. Будто мой муж – призрак.

Стоп! А мой муж может оказаться призраком? Или вампиром?

– У вас вампиры водятся? – струхнула, когда мы остановились возле двустворчатой двери.

– Не говорите ерунды, графиня. Вампиров не существует, – недовольно заметил Этьен и трижды постучал.

Двери медленно, с тихим скрипом поползли в стороны. Не хватало еще тревожной музыки, и сцена из фильма ужасов получилась бы что надо.

Вопреки ожиданиям, на нас никто не набросился. Внутри окутанной мраком комнаты сидел мужчина. Верхнюю его часть скрывала тень, хотя не от чего ей было падать. Ни предметов рядом с мужем, ни источника света позади. Шторы закрыты, горит только несколько свечей на приставном столике и какой-то тусклый кристалл под потолком. Ватт на двадцать, не больше. Учитывая величину помещения, это почти что ничего.

– Это? – брезгливо заметил граф, окинув меня презрительным взглядом.

Упомянутый взгляд я не видела, но почувствовала! Физически ощущала, как он ползет по мне холодными щупальцами, ощупывая каждый сантиметр тела и не стесняясь наличием одежды. Блин, некстати дырка на заднице вспомнилась! О, и там пощупал, бесстыжее отродье мрака!

– Да вы, знаете ли, тоже так себе кандидат в мужья.

Вздрогнула, когда мужчина подался вперед, выныривая из темноты. Думала, урод какой, поэтому лицо прячет, но нет. Оказался вполне себе хорошеньким. Не Том Круз, конечно, но такие мужики на дороге не валяются. Благородная внешность, гладко выбрит, черные волосы аккуратно зачесаны набок, хотя видно, что вьются и с природной курчавостью граф ничего поделать не может.

Кажется, я тут недавно мечтала, чтоб взгляд у мужика, как пуля навылет? Получите – распишитесь, называется. Тут не одна пуля. Тут целая автоматная очередь! Изрешетил так изрешетил. Живого места не оставил!

– Худая, бледная, со вздорным характером, – вот теперь меня еще и словами расстреляли.

– У вас, я смотрю, характер тоже не сахар.

Мне даже неловко стало. Такое лицо мужик сделал, словно графиня при нем впервые голос подала. Ну, а что? Если он раньше времени от инсульта скончается, меня наверняка отправят домой!

Брр, Крис, ну что ты такое болтаешь? Клятву Гиппократа кто давал? Кто? То-то же. Видно же – убогий. Инвалид. Причем не только на ноги, но и на голову, похоже.

– Пусть пришлют другую! – безапелляционно заявил муженек и не пожелал больше на меня смотреть. Он отвернулся и подлетел к окну.

Подлетел, Карл! На кресле! Нет, не инвалидном. На самом обычном кресле. Оно попросту взмыло в воздух и перенесло супруга к окну. Выходит, не лгала Алисия. Муж мне достался проблемный.

– Простите, ваше сиятельство, но это так не работает. Вы же знаете, ближайшие тридцать дней обмен невозможен, – голос подал дворецкий. Он по-прежнему стоял возле меня мраморным изваянием.

– Этьен! – сказал граф шторам.

Что он, интересно, там разглядывает? На них даже пыли нет и, руку на отсечение дам, ни один паук не рискнет поселиться в этом убежище мрака и одиночества. От тоски сдохнет.

– Граф!

А Эйнштейн неплохо держится. Даже усом не повел, хотя графский голос сталью звенит и звезд с неба прямиком в панталоны обещает.

– Это даже хуже, чем было!

Муж соизволил повернуться к нам лицом, которое больше не пряталось в тени. Нет, ну хорошее лицо. Очень даже хорошее. Взгляд только пугает. Черный, но какой-то пустой.

– Не узнаем, пока не попробуем.

– Вообще-то, господа, упомянутое вами «это» стоит здесь и все слышит.

– Можете не стоять,– безразлично бросил граф, глядя на Этьена.

Ну и замечательно! Расположилась в ближайшем кресле, посчитав это приглашением. Этьен посмотрел на меня с плохо скрываемым ужасом, а муж даже не повернулся. Хотя кресло довольно-таки красноречиво скрипнуло. Интересно, чья попа его так продавила? Явно не мужнина. Та только его кресло-коляску давит. Ой, вот не будем. Медики – самые первые циники. В нашей профессии без юмора никак. Либо юмор, либо профдеформация. Это вы еще с патологоанатомами не общались. Вот уж где Петросян отдыхает.

– Альберт, оставьте меня с мужем. Разговор есть. Приватный!

– Я Этьен! – как-то обреченно поправил мужчина, не надеясь уже, что я запомню его французское имя. Стойкие ассоциации с Эйнштейном, увы, неистребимы.

– Это сути дела не меняет. На выход, дорогой, на выход. Это не для лишних ушей.

Дворецкий посмотрел на графа, на меня, снова на графа, выискивая ответ в пустом взгляде последнего.

– Могу я…

– Иди, Этьен, – уныло разрешил муж и, когда мы остались наедине, подлетел ближе.

Ну, уже какой-то прогресс. Не скажу, что лед между нами тает, но мы определенно стали на пару метров ближе. Буквально. Я смогла лучше рассмотреть свой новогодний, пусть будет, подарок. Хотя больше на сюрприз

похоже. Это как в детстве. Покупают родители Киндер. Шуршишь фантиком, ломаешь яйцо, раскрываешь капсулу, а там… А там паззл, блин! Паззл!

Вот тут примерно те же ощущения.

Одет муж по-иноземному, средневековая какая-то одежда. Рубаха с широкими рукавами, на груди шнуровка. Обтягивающие черные штаны, полусапоги тоже на шнуровке. Не жарко ему? Нет что бы тапочки дома носить…

Ага, сказала женщина на каблуках! О, каких каблуках! Я хотела босиком идти, но Доротея настоятельно не советовала – полы ледяные, а воспаление легких у них тут заклинаниями лечится. Заклинаниями! Пришлось пользоваться тем, что дали, а дали неприспособленные для ходьбы узкие колодки на платформе в пятнадцать сантиметров. У них тут, видите ли, стандарт красоты такой. Дама должна быть высокой, пышногрудой, с аппетитным лицом и тонкой талией. И поломанными ногами, судя по всему.

Но к вопросу о тапочках. Если придется здесь остаться, поставлю вопрос ребром. Расхаживать по дому на ходулях я не собираюсь!

– Альберт сказал, вы мне все объясните. Что я здесь делаю? Как мне вернуться домой?

– Вы вернетесь домой через тридцать дней.

– Вот так вот просто? Побуду здесь тридцать дней и домой?

Прямо какой-то отпуск в другом мире! Если можно так легко отделаться, я тогда с пользой проведу время. Наверняка у графа есть обширная библиотека, с лекарем, опять же, пообщаюсь по поводу того, как они змеиные укусы лечат. Может, у него образцы ядов есть. Ух! Иноземные яды! Иноземные противоядия! Хочу-хочу-хочу!!!

По телу мурашки от восторга побежали. Я бы и сама тот час побежала бы в библиотеку, но мало того, что не знаю, куда бежать, так мне еще подробности о возвращении домой следует выяснить.

Граф приподнял бровь.

– Нет, все не так просто. Вы вернетесь домой, при условии, что не влюбитесь в меня.

– Пф! – вульгарно усмехнулась. Ну, оно само собой так получилось, честно слово!

Мужчина мою реакцию проигнорировал и продолжил, как ни в чем не бывало:

– Иначе обменжён продлит ваш срок пребывания здесь в надежде на ответные чувства с моей стороны. А этому не бывать.

– Еще бы!

– Вы хотите мне что-то сказать? – снисходительно поинтересовался мужчина.

Какие мы корректные! Какие терпеливые!

– Проще влюбиться в снеговика, чем в вас!

Граф мазнул пустым взглядом по моему лицу, лежащим на подлокотниках рукам, платью. Закончив инспекцию, произнес:

– Надеюсь на это. Не хотелось бы, чтобы ваше присутствие в моем доме длилось дольше необходимого.

– А знаете, раз уж мы оба не в восторге от сложившейся ситуации, я придумала идеальный выход! Поступим, как взрослые люди. Разойдемся по разным комнатам и не будем видеться!

– Я покидаю комнату в исключительных случаях, поэтому мы и так не увидимся, если только вы сами не придете.

Да я лучше черствый сухарь съем! С плесенью даже!

– Не приду! – заверила с энтузиазмом и поднялась. – Вот прямо сейчас выйду и с удовольствием буду каждый день к вам не приходить!

– Сядьте на место, я вас не отпускал.

– А мне и не нужно ваше дозволение-е…

Взвизгнула, плюхаясь в кресло против воли. Холодное щупальце скользнуло по моему плечу и исчезло. Зябко стало. Хоть бы шаль мне какую выдали! И эта штука с буферами не работает, тут Доротея просчиталась.

– Вы здесь не из-за прихоти судьбы, а ради конкретной цели. Моей дочери через неделю исполнится девять лет. Это возраст, с которого на Ирбисе магический дар ребенка либо раскрывается в полную силу, либо отмирает. Обычно одаренные дети осваивают свои способности до шести лет, но у Анахель не получилось. Что-то пошло не так.

Я фыркнула и помотала головой. Не буду говорить. Посижу, послушаю. Но так детей не воспитывают.

– Снова хотите что-то сказать? – раздраженно спросил граф.

– Нет-нет, что вы. Говорите, у вас это хорошо получается! Правда, все еще не понимаю, при чем здесь я.

– Моя жена, – мужчина поджал губы и тяжело вздохнул. – Мадлен не уделяла дочери достаточно внимания. В ней, к сожалению, не раскрылась тяга к материнству. Оно ей не давалось.

Сдерживать смех становилось все труднее. Как говорит! Музыка словно. Тяжелый рок или реп. Не раскрылась тяга к материнству, не уделяла дочери внимания… Сказал бы сразу – плевала она на дочь с высокой колокольни, а я добавил с колокольни повыше, а теперь сидим, локти кусаем, глядя на плоды трудов своих. Что понаросло, ой, что понаросло-то!

Продолжал граф едва сдерживая гнев. Одно хорошо – больше не пугал меня пустым взглядом. Теперь в черных радужках серебристые молнии сверкали.

– Совет магов сделал заключение, что дар не раскрылся из-за огрехов в воспитании. Через месяц в замок прибудет король, чтобы лично познакомиться с Анахель. Если он придет к выводу, что потеря дара связана с воспитанием, у меня заберут дочь и титул.

– То есть, вы уверены, что дар не раскроется?

– Нет предпосылок. Я могу потерять Анахель.

– И поделом, – буркнула едва слышно, но муж оказался ушастым.

– Что, простите?

– Выдохните уже! Вы сами виноваты, что у вас дочь такая. Ей восемь! Очнитесь, восемь лет! Как она разговаривает? А ходит?

Я поднялась и, выпятив вперед грудь, повторила надменную походку девочки.

– В ее возрасте она должна с визгом и смехом носиться по коридорам замка. Выплескивать энергию, радоваться жизни, смеяться, улыбаться, песни петь, на обоях рисовать, игрушки по дому разбрасывать и отказываться есть кашу…

– В вашем мире у вас есть дети? – раздраженно поинтересовался граф. Вот блин, удар ниже пояса.

– Нет. Только племянники.

На губах муженька проскользнуло что-то, отдаленно похожее на саркастическую улыбку. Гаденькую такую, злорадную. Типа, о чем с тобой можно разговаривать.

– Вы здесь не для того, чтобы преподавать мне основы педагогики или превращать мою дочь в дикарку. Вы здесь, чтобы помочь мне сыграть перед королем счастливую семью и доказать, что гибель дара Анахель не наша вина.

– А что в вашем мире полагается за обман монарха?

Граф стиснул ручки кресла так, что у него костяшки побелели. У графа, не кресла. У последнего деревянные костяшки жалобно хрустнули. Если бы мог, муж бы сейчас вскочил. Внутри дикая мыслишка проскочила, что может он вскочить. Может, просто не особо хочет. Стимула нет. Подалась вперед и медленно, по слогам произнесла:

– Сла-бак!

В комнате резко похолодало. Тусклый кристаллик под потолком зазвенел и лопнул, осыпавшись на пол мелкой крошкой. Пламя на свечах пошатнулось, но устояло. Кажется, я немного переборщила с мотивацией. Неправильно как-то она работает в этом мире.

– Ладно, ладно. Без нервов. Я сажусь!

Подняла ладони кверху и медленно вернулась в кресло, давая зарок больше не разговаривать с этим нервным типом.

– Все время пребывания в замке вы будете изучать необходимые науки, чтобы не ударить в грязь лицом перед монархом. Магия, этикет, история. Но при этом вам запрещается без разрешения и тем более в одиночку покидать пределы замка. И самое главное. Мадлен!

– Кристина.

Мужчина замер на мгновенье. В его взгляде что-то изменилось. Или, может, мне это только показалось, потому что со следующим взмахом ресниц передо мной сидел все тот же засранец.

– Мадлен. Никаких интрижек!

– Ну, знаешь ли! – даже на «ты перешла». Хамы ни одного мира не заслуживают уважительного отношения. – Я, вообще-то, люблю своего мужа и планирую к нему вернуться!

– Будь это так, вы бы здесь не оказались.

– Это ошибка! Большая вселенская ошибка. Меня мой брак полностью устраивал.

Ага. Давай, обманывай себя.

– Обмен возможен, только если все его участники желают перемен.

Вон оно что. Выходит, и графа в женушке не все устраивало. Мужчина помолчал и добавил:

– Исполнять супружеский долг от вас не требуется.

Ну, ты прямо к жизни меня вернул, а то уж я вся извелась прямо!

– Мы будем жить в разных комнатах, на разных этажах.

– И никого это не удивит?

– Слуги скорее удивятся, если вам удастся не потерять панталоны в первую же неделю.

– Да вы обалдели?! За кого вы меня принимаете?

– Я… что?

Замечательно! Я даже не могу показать всю степень своего шока, потому что на Ирбисе не понимают земного сленга! А как они вообще меня понимают? Как я их понимаю? Голова сейчас взорвется. Домой хочу! Бутерброд с красной икрой хочу. И кредиты, фиг с ними, тоже хочу. Да пусть даже крышка унитаза поднятая, лишь бы подальше от этого отмороженного.

– Значит, так, бесчувственное ты чудовище. Я, Кристина Золотова, кандидат медицинских наук, опытный и уважаемый токсиколог, верная супруга, преданный друг! Если ты хочешь дождаться от меня помощи, то и веди себя соответственно!

Граф понимающе кивнул, поджал губы, обдумывая что-то, а затем выдал с ледяным спокойствием:

– Вы пробудете в этом мире тридцать дней. Так или иначе. И только вам выбирать, какими будут эти дни. Будете ли вы передвигаться свободно и хорошо питаться или просидите взаперти в холодной башне на воде и хлебе. Я всегда могу сказать королю, что моей супруге нездоровится.

Ну все. Сейчас кому-то самому не поздоровится!

Я угрожающе поднялась, выискивая взглядом что-нибудь тяжелое, но вспомнилось ледяное касание невидимых щупальцев и боевой решимости поубавилось. В том, что мой новый муж владеет магией сомневаться не приходится. Не полтергейст же у него живет. Станет он жить с таким вот соседом по комнате…

– Если думаете, что напугали – не на ту напали! – выдала дрожащим голосом и даже на уважительную форму обращения перешла. Раз уж ему такие отношения хочется, такие и получит. – Я в этом мире, потому что вы доведены до отчаяния! У вас отбившийся от рук ребенок и жена развратница, что не удивительно, когда отец и муж – ледяная глыба! Не надо быть магом, чтобы понять, в чем проблема Анахель. Дети нуждаются в любви. А где ее взять, если матери ребенок не нужен, а вы любите только самого себя? Этот разговор мне надоел. Подумайте над своим поведением и, когда будете готовы к адекватному общению – найдете меня.

Поднялась и на эмоциях понеслась к двери. Пусть видит, что я решительно настроена и свои щупальца при себе держит.

– Помните, Кристин! Не влюбитесь в меня!

– Да я лучше себе глаза выколю! – прорычала и вышла, громко хлопнув дверью.

Мерзкий, мерзкий бесчувственный старикашка! Ладно, не старикашка, вполне себе крепкий мужчина в расцвете сил, но все равно мерзкий. До того мерзкий, что мне самой мерзко от степени его мерзости.

Брр! Содрогнулась всем телом. Так меня колотило от гнева, так лихорадило!

– Как все прошло? – с волнением спросили Этьен и Доротея. Они тревожно слонялись возле дверей в ожидании меня.

– Я его придушить готова. Вот этими вот руками! Не снимай, говорит, панталоны, не влюбись, говорит, в меня! Да кто в тебя влюбится такого? Кому ты вообще сдался? – обратилась к запертой двери.

– Тише, тише! Услышит же! – ужаснулись Этьен и Доротея.

– Уже слышал. Мне скрывать нечего и стесняться тоже нечего. Правда она такая, жалит хлеще крапивы, когда виноват, и обтекает теплой водой, если невиновен. Мне нужно остудиться. И это… Есть что на плечи накинуть?

Доротея растерянно переглянулась с Эйнштейном.

– Так вам холодно или жарко?

– А… Остудиться, в том смысле, что мне нужно пар выпустить.

– Вы умеете пускать пар? – искренне изумилась Доротея.

Ну е-мое… Идиомы на Ирбисе тоже не понимают. Хм. Мне пришла гениальная идея, как совместить приятное с полезным.

– Шуба есть? Холодно ведь на улице наверняка.

– Госпожа, вы меня совсем запутали. То жарко, то холодно, то шуба, то накидка…

– Дуй за шубой, а ты, Альберт, за девчонкой. Встретимся на улице.

– Зачем?

– Пар выпускать будем. Все. Идем, идем! Ребенка только укутайте потеплей, чтоб не застыла.

Через четверть часа мы с Доротеей внизу дожидались Альберта и Анахель. Я щеголяла в пуховой шапке и модной шубке, прикрывающей филей. Помощница закуталась в пуховой платок и накинула на плечи что-то похожее на тулуп. На мое счастье на Ирбисе не брезгуют зимней обувью. Я сунула ноги в валенки и блаженно выдохнула. Наконец-то избавилась от ходулей!

– Госпожа! Необъяснимое с вами! Зачем же вы обувь прислуги надели? Вот ваши вышитые каменьями черевички.

Приподняла подол платья и посмотрела на валенки. Теплые, целые, по размеру. Опустила подол.

– Вот пусть тот, кто их вышивал, и носит такую обувь зимой. Я в валенках пойду! Госпожа я или не госпожа?

– Госпожа, конечно, – смутилась Доротея, закрывая господский шкафчик для обуви. – Как изволите.

– Ты мне лучше скажи, зачем меня сюда призвали? Граф ваш – полный отморозок, так ничего и не пояснил.

Округлив глаза, помощница скромно промямлила:

– Может, вам лучше Этьен расскажет?

– От Альберта дождешься. Половину приукрасит, половину скроет. Я его суть уже раскусила. Мужик сам себе на уме. А мне нужна достоверная информация. Я вижу, что девушка ты скромная и честная. Говори не таясь, как на исповеди.

– Как на чем?

– Ох, ёжкин макарешкин.

– Что за зверь такой дивный?

Я взвыла, всплеснула руками и потянула помощницу на улицу. Ждать в доме становилось жарковато.

Тяжелая дверь охотно поддалась, выпуская нас на волю. В нос ударил ни с чем несравнимый запах мороза. Почему мороз пахнет дымом и немного мятой? Нет, не мятой. Скорее, ментолом. Освежающим, вкусным, дурманящим.

Вдохнула полной грудью и подставила лицо солнышку. Красота-то какая!

Сбежала вниз по ступенькам, прошлась по хрустящему снегу. Совсем как на Земле! Сгребла в охапку пушистый снежок и подкинула в воздух, наблюдая, как искрятся снежинки под солнечными лучами. До поросячьего визга люблю зиму!

– Ну, чего ты там встала, как вкопанная, иди же сюда!

Доротея подошла ближе и улыбнулась.

– Рассказывай давай.

– Только, если кто спросит, я вам ничего не говорила.

– Нет, конечно, я могила, – заметив испуганное выражение на лице собеседницы, махнула рукой. – Не обращай внимания, если в моей речи проскользнет что-то такое. Это земной сленг.

– Хорошо. Графиня Мадлен… Она… – девушка тушевалась, не зная, как подойти к обсуждению деликатного вопроса. – Я у нее раньше не работала. Сегодня первый день, как приступила, а оказалось, что вы уже и не графиня вовсе. Но по слухам, она очень легка нравом.

– Это как именно? – поинтересовалась, отломив от ближайшего дерева сосульку и попробовав на вкус. М-м! Куда вкуснее, чем на Земле. Не мудрено, здесь экология лучше.

– Вы что делаете?

– А ты попробуй, – отломила еще одну сосульку и дала Доротее. Та долго не решалась, а потом коснулась прозрачной ледышки кончиком языка и удивилась. Лизнула уверенней, еще и еще.

– Как странно. Как необычно!

– Застывшая вода и только.

Ну, не только это. Куча бактерий и микробов, мне ли, токсикологу, не знать. Но я не из тех, кто познав науку и проникнувшись количеством микроорганизмов вокруг, сходит с ума и превращается в верминофоба. Жить надо так, чтобы было что вспомнить. И, если уж на то пошло, промывание желудка и больничная койка – тоже воспоминания. У меня, например, в отделении, столько пациентов обрели друг друга! Ничто так не сближает людей, как совместная диарея. На трех свадьбах уже свидетельницей была. Так что даже путешествие в больницу можно превратить в приключение!

– Ладно, ладно. Давай к делу, а то придет Альберт и не поговорим. Что там за легкий нрав у госпожи?

– Уж больно она мужчин любит! – облизнув сосульку, разговорилась Доротея. – Видели ее и с булочником, и с поваром Жобером, и с бакалейщиком, и с продавцом ткани. А еще у нас садовник есть, сантехник… Сколько у Анахель наставников по магии сменилось… У-у… – девушка присвистнула, причем весьма профессионально, и закатила глаза. – Только на моей памяти граф четырех ученых мужей за шкирку выкинул.

– Задницей она крутит что ли?

– Еще как! – воскликнула Доротея, но испугавшись собственных слов, прикрыла рот ладошкой.

– Да расслабься ты. Все строго между нами. Как же граф позволяет такое поведение?

– А как не позволит? С его-то болезнью! Графиня молодая совсем, на десять лет его младше. Ей много требуется. Он сначала понимал, терпел… А потом, когда

она вовсе обнаглела и дома неделями не появлялась, совсем замкнулся. Себя во всем винить стал. Матушка говорит, такая у них любовь была поначалу. Такая любовь! Я-то не знаю, сама еще малышкой была. Но с рождением Анахель все изменилось… Графине не интересно было возиться с девочкой, а с графом вот беда приключилась.

– А как он стал инвалидом?

– Кем?

Я указала на ноги. Доротея понятливо кивнула и вздохнула.

– Граф сильный маг, известный на весь Ирбис. К нему за оренарами приезжают со всех уголков планеты!

– За кем?

– Оренарами. Это такие магические животные, которых ни у кого больше нет. Они могут быть крошечными, с ладошку, или огромными, размером с лося! Все зависит от мага, которому нужен оренар. Нет в мире двух одинаковых оренаров. Такой выдумщик наш господин!

– А зачем нужны эти животные?

– Они преданные очень. За хозяина жизнь отдадут! Защитники, во всем споспешники, в магии подсобляют. Я не владею колдовством, всего не знаю, но любой сильный маг обязательно обзаводится оренаром. Если граф позволит, как-нибудь покажу вам питомник!

– Здорово. Но как это связано с его ногами?

– А! – спохватилась девушка и рассмеялась. – Заговорилась. Однажды, матушка рассказывала, к графу приехал очень нехороший господин. Темный маг. Плохой. Сказал, что хочет оренара себе. А граф не может отказать. Он на короля работает, а господин этот – королевский племянник.

Протекционизм даже в другом мире! Бессмертная, походу, вещь.

– Для создания оренара магия будущего владельца требуется. Я не знаю всех особенностей работы графа, но создал он пять оренаров и ни один не пожелал стать спутником того господина. Тогда граф создал еще пять и еще… На четвертый раз он сотворил настоящее чудовище! Злое, ядовитое и отвратительное, как и сам темный маг.

От жуткой истории у меня по спине холодок пробежал. Я уткнулась носом в пушистый мех шубки и с нетерпением ждала продолжения.

– Это чудовище, в итоге, выбрало того темного господина своим повелителем и покусало графа де Трувэ в благодарность за свое создание. Несколько недель сильнейшие маги и лекари королевства бились за жизнь нашего хозяина. Отстояли. Но только на ноги поднять так и не смогли.

– Это тогда он стал таким… ну…

Я покрутила пальцем у виска.

– Что означает этот жест, ваше сиятельство? – раздался за спиной надменный голос Альберта.

Я зачерпнула пригоршню снега и смяла в ладонях. Неслышно как подкрался дворецкий!

– Этот жест означает, что нельзя так пугать женщин. Они и проучить могут.

Резко развернулась и швырнула в Альберта снежком. Несколько секунд стояла тишина, а потом громыхнул хохот. Мы с Доротеей смеялись от души, даже Анахель присоединилась, глядя на то, как с широкого лба дворецкого медленно стекает снежок. Даже не в снежке дело, а в выражении лица Альберта! Такая оскорбленная невинность, такая поруганная честь!

– Что вы себе позволяете графиня?

– Я пар выпускаю! И вам, кстати, советую!

Набрала в ладошки еще снега, слепила следующий снежок и запустила в спину смеющейся Анахель. Девочка возмущенно вскрикнула и метнула в меня гневный взгляд. Я сузила глаза в ответ, но дурашливо, готовая в любой момент сорваться с места, если будет ответная атака.

– Вы же не надеетесь своими дикарскими выходками склонить меня на свою сторону, графиня? – высокомерно поинтересовалась девочка.

– Ну что вы! Куда нашим дикарским выходкам до вашего высокомерия?

Слепила еще один снежок и запустила в Доротею. Та манерничать не стала и ответила мне тем же. Мы бегали по двору, запуская друг в друга снежки, хохоча и уворачиваясь от летящих снарядов, падая в снег, швыряя его в воздух и наслаждаясь переливами серебристо-алмазных снежинок. Альберт косился на нас, как на полоумных, а во взгляде Анахель нет-нет и проскальзывал интерес. Значит, не все так запущено. Она то и дело вытягивала голову, чтобы посмотреть, в кого попал снежок или кто на этот раз победил в схватке «повали другого».

– Все, ваше сиятельство, все! Вы победили в этой забаве! – запыхавшись, заявила Доротея. – Мне понравилось пар выпускать!

– А пар мы еще и не выпускали. Смотри!

Я вдохнула поглубже, согрела ртом воздух, а потом медленно выдохнула горячую струйку, которая тут же обернулась густым белым паром.

Помощница восхищенно засмеялась, а Анахель подошла ближе.

– Так любой может! Из-за разницы температур возникает такой эффект. Вот, смотрите!

Она повторила мой опыт. Доротея тоже пустила облачко, и мы уже втроем принялись соревноваться, у кого красивей получится.

– Альберт, ну, что же вы там стоите? Замерзнете же! Идите к нам, покажите свои умения.

– Ничего я не умею! – произнес дворецкий, а мы расхохотались. – Я не специально! Просто пар идет, пока я говорю!

Мы разразились очередной волной смеха и, чем больше оправдывался и парил дворецкий, тем больше хохотали, пока вовсе не повалились в сугроб. Не в силах подняться и унять хохот, мы корчились прямо на снегу, тыча пальцем в бубнящего дворецкого.

Краем глаза заметила шевеление в одном из окон на третьем этаже. Замерла, пригляделась. А. Кто-то за нами подглядывает!

Поправила сползшую на бок шапку, поднялась и отряхнулась. Граф презрительно покачал головой. Да ну тебя, мерзкая ты ледышка! Не удержалась и от всей души, вот прямо от сердечного порыва оттопырила средний палец и подняла над головой. Так, чтобы граф обязательно увидел!

Мужчина резко задернул шторку и скрылся от наших глаз. Ох, как же хорошо от маленькой гадости на душе! С широкой улыбкой повернулась и наткнулась на три удивленных взгляда.

Ой…

– Что означает жест, который вы показали моему отцу? – поинтересовалась Анахель, стряхивая снег с пухового полушубка.

Так мне в этот момент стыдно стало, что не передать. Тоже мне, кандидат медицинских наук, образованная женщина, что я там еще о себе графу говорила?

– Этот жест, Анахель, означает… – задумалась, как бы выкрутиться из ситуации. – Крайнюю степень недовольства поведением собеседника.

– А, поняла.

Девочка все делала старательно и сейчас со всей ответственностью оттопырила средний палец, глядя на меня самым невинным взглядом, какой я когда-либо встречала.

– Вот так?

– Эм… Ага, – буркнула и глаза отвела.

Как говорит моя мама, которая в одиночку воспитывала меня и брата, чем меньше акцентируешь внимание на дурном, тем меньше оно откладывается в памяти. Не знаю, не знаю. У меня в памяти отлично отложилось именно все дурное. До сих пор анекдот в нашей семье ходит, что первым моим словом было любимое дедушкино выражение: «ептамать». Так что неточная это наука, но попробовать стоило.

– А не пора ли нам выпить горячего чаю, что скажешь, Альберт?

– Немедленно распоряжусь Жоберу!

Мужчина с энтузиазмом подхватил эту идею и постыдно сбежал. Сдается мне, у него просто ноги замерзли. Не мудрено, столько стоять на одном месте! Мороз требует движений! Кровь разгоняется, сосуды расширяются, эффективность теплообмена повышается. Поэтому нам с девчонками сейчас было жарко и весело. Красные, по самую макушку сырые и счастливые, мы с громким смехом ввалились в графский терем.

Не тут-то было.

«Я покидаю комнату в исключительных случаях» явился собственной персоной и восседал на своем неизменном кресле прямо по центру холла. Как только со ступенек не свалился, шею себе не переломал. Вот был бы всем новогодний подарок!

Ну и злюкой меня делает этот мерзкий граф!

– Чего не так? – спросила с порога, помогая Анахель снять полушубок и стряхивая снег прямо на пол.

Фигня, слуги уберут! Хе-хе! Вот когда начинаешь ценить богатую жизнь. Никаких тебе коленно-локтевых поз в обнимку с ведром и тряпкой. Позвал слугу и дело сделано. А они деньги за это получают, между прочим, и крышу над

головой, так что никаких угрызений совести.

– То, чем вы занимаетесь с моей дочерью – неприемлемо!

– Неприемлемо пить нашатырь и капать в глаза зеленку. Мы всего лишь в снежки играли!

В меня впились молнии графского негодования. Метафизические. Однако инстинкт самосохранения сработал безотказно и отрубил все системы моего организма. В первую очередь говорительную.

– Папочка, нам было так весело! – девочка задорно подбежала к отцу, крепко обняла его и поцеловала в щеку.

Лицо графа преобразилось. Помолодело словно, стряхнуло с себя безжизненный налет надменности и угрюмости.

– Я понимаю, дорогая. Но ты – баронесса де Трувэ. Будущая графиня! Тебе не пристало валяться в снегу подобно слугам и безродным девкам.

– Да, папочка. Прости меня, пожалуйста!

Ну, знаешь, дорогой!

Исключительно Альберт спас ситуацию, иначе на чьем-то лице, не буду показывать пальцем, красовался бы здоровенный такой фингал! Девка я, может, и безродная, но Золотовы тоже не пальцем деланы! Мама, между прочим, доктор медицинских наук, а папа известный на весь мир изобретатель медицинских аппаратов!

Анахель сникла и, опустив голову, пошла к дворецкому.

– Чай подан, графиня. Прошу в малую чайную комнату. Желаете присоединиться к супруге, господин?

Мазнув по мне брезгливым взглядом, граф отрезал:

– Исключено. Анахель, надеюсь, не стоит объяснять тебе необходимость вести себя соответствующим образом? Скоро приедет король. Подобное поведение недопустимо!

– Почему? – вступила в разговор, отдав свою шубку Доротее. – Почему ребенку недопустимо веселиться и радоваться жизни? Она еще успеет загнать себя в рамки выдуманных обществом стандартов!

– Не вижу смысла объяснять что-либо женщине, у которой вообще нет рамок.

– Вы этого не знаете, граф! – на этот раз мужчина всерьез меня задел. Одно дело – нарочитые оскорбления, другое, когда осуждают человека, не зная его. – Еще скажите, что король ребенком не был и в снежки не играл!

– Не играл! – отрезал он.

– Тогда он аутист! – заявила во всеуслышание, да так громко, что и во дворце могли услышать.

Молодец, Кристина! В монархической стране публично царя хаять! Какое главное правило монархии? Правильно! О царе, как о мертвом, либо хорошо, либо ничего! Да и попросту неприлично так выражаться. Ты же медик, ну что за поведение?!

– Не знаю, что это значит, но предполагаю, ничего хорошего!

– Признаюсь, с королем я палку перегнула. Но вот с вашим диагнозом, пожалуй, определилась.

И не было в этом заявлении желания обидеть или уязвить. На фоне полученной графом травмы тела вполне мог развиться аутизм. Неумение общаться с людьми, любовь к замкнутому пространству, одиночеству. Конечно, случай не запущенный, но симптоматика на лицо. Он реагирует на ласку дочери, это дает надежду.

Все, конечно, замечательно, только теперь я не смогу злиться на графа. А смысл злиться на человека, с реакциями малолетнего ребенка? Да он сам себе не рад.

К тому же, к неустойчивым пациентам нужен особый подход.

Теперь я смотрела на графа не как на врага, а как кот на сало. Перефразирую. Я смотрела на него как ученый на премию по токсикологии. Вот он – мой путь к докторской диссертации. Мой подопытный, мой больной, ненаглядный мой! Ценнейший исследовательский материал, кладезь знаний и полигон для экспериментов! Ух! Как там говорится, заяц – это не только ценных мех…

Злорадно потерла ладошки! Ученые годами бьются над вопросом связи аутизма с токсинами, а тут такой образец и первого и второго, что прямо самый лучший в жизни новогодний подарок! В том, что невозможность графа ходить связана с отравлением, я практически не сомневалась. Ну, оставалась вероятность того, что чудо-зверь ему попросту прокусил нервные окончания, но все же ставлю на яд. Потому что хочу. Потому что это дает надежду на исцеление графа.

– Чему вы так плотоядно улыбаетесь, графиня? – с опаской поинтересовался мужчина.

– Все хорошо, ваше сиятельство, – изобразила подобие реверанса, чем немало удивила всех присутствующих, включая самого мужа. – Все очень хорошо. Все так хорошо, что я после чая планирую наведаться в вашу спальню!

Таинственно улыбнулась и кивнула. Да. Я точно на правильном пути и предложу графу очень выгодную сделку! Главное, чтобы он меня не послал куда подальше. Конюшни чистить, например. Может ведь, если неправильно меня поймет и оскорбится. Подопытный должен добровольно даться, иначе как я буду ставить на нем опыты?

Дворецкий смущенно кашлянул, Доротея покраснела и глаза отвела, а Анахель почесала глаз… Средним пальцем! Научила, блин, на свою голову. Почему все так себя ведут? Что я такого сказала? Наведаюсь в спальню после ча…

А-а…

– Ой, да я не в том смысле! Можно не в спальню, мне и кабинет подойдет для этого дела.

Граф осуждающе покачал головой, а Анахель теперь двумя средними пальцами нос чесала. Недовольна девочка. Да я сама своим языком недовольна.

– Разговор, ваша светлость.

– Сиятельство.

– Спасибо, Альберт. Разговор, ваше сиятельство. После чая. Идемте, девочки, после прогулки нужно обязательно согреться, чтобы не заболеть. Ты любишь печенье, Анахель?

– Анахель? – строго позвал граф. Девочка обернулась и погрустнела. – Помни мои слова. Помни кто ты и какая на тебе ответственность.

– Хорошо, папа.

От озорного ребенка, который ничем не отличается от земных ребятишек, не осталось и следа. Передо мной чеканила шаг изысканная фарфоровая куколка. Такая же прекрасная и такая же безжизненная.

За чаем она жеманно держала фарфоровую чашечку с блюдцем, пила маленькими глотками, сидела на кончике дивана, держала спину, не поднимала взгляд и вообще почти ничего не говорила. Как можно перекладывать на плечи маленького ребенка, который только познает мир, который должен бегать, играть и веселиться, такую ответственность? Раскрытие магии, король, приемы, этикет… Разумеется, рамки и правила приличия должны быть, но не калечить же психику юного существа!

– Анахель.

Не выдержала. Отставила чашку и посмотрела на девочку. Доротея и Этьен решили пить чай на кухне – негоже с госпожами – потому у нашей беседы не было слушателей.

– Скажи, чего бы ты хотела, если бы не была баронессой де Трувэ?

– У меня нет возможности предаваться праздным мыслям, графиня. Мозг должен трудиться каждую свободную минуту. Отец говорит, что в теле человека нет ничего лишнего и, если не заставлять наши органы трудиться каждый час, каждую минуту, то они попросту отомрут.

Я прыснула чаем. Вот угораздило же отпить! Просто с мороза такая благодать горячего душистого чайка с медом хлебнуть!

Кажется, граф со знанием дела говорит и у него однозначно кое-что отмерло! Кое-что, чем он давно не пользовался. Если вы подумали о нижней части тела, то фу на вас, бесстыжих. Я о сердце говорю. Ну, и о нижней части тоже. Чуть-чуть. Но больше все-таки о сердце.

– Как медик тебе говорю, твой отец ошибается.

– Мой отец тоже медик. Он создает новые формы жизни. А что создаете вы?

– Вообще-то, я помогаю убить новые формы жизни и избавить организм от следов их пребывания. Но суть не в этом. Анахель, чего ты на самом деле хочешь?

– Раскрыть свой дар, – без заминки ответила она, а я покачала головой.

– Этого хочет король. Твой отец и Бог знает, кто еще.

– Кто такой Бог?

– Ох, дорогая. Тот, кто наверху. Тот, кто управляет нашими жизнями и вообще приводит этот шарик в движение.

– У нас этим занимается Необъяснимое.

Ага. У нас раньше тоже всякую неизвестную фигню на необъяснимое списывали. Даже какая-то передача была на этот счет.

– Ты мастер заговаривать зубы!

– Нет, этим лекари занимаются. Я совсем не владею заговорами.

Раньше я никогда так часто не закатывала глаза. Выражайся просто, Кристина! Никаких идиом, метафор, гипербол и упаси тебя Необ… тьфу, упаси тебя Господи, не используй оксюморонов! Застыдят ведь!

– Ладно. Ты отвечаешь то, что от тебя хотят услышать. То, что тебе вложили в сознание, чему научили. Но чего хочешь ты сама?

Девочка поджала губы, со звоном поставила чашку на блюдце и поднялась.

– Я хочу закончить этот разговор и уйти в свою комнату. Поскольку вы чужачка, а не моя матушка, ваше дозволение мне не требуется. Доброго дня, графиня.

Прежде, чем я успела рот открыть, девочка вылетела из столовой. Бедное измученное дитя. Да Ирбис и конкретно замок графа прямо находка для врачей всех специальностей! Столько докторских диссертаций можно защитить, столько тем! В первую очередь, конечно, психологи и психиатры всех мастей заинтересуются, но для токсикологов тоже найдется работа. Именно этим я и планировала заняться! Поговорить с графом насчет сотрудничества.

Альберт помог найти комнату супруга. Без него я бы даже с компасом не справилась. Замок не слишком большой, как просветил дворецкий, всего пять этажей (ага, как дойдет дело до уборки, так «всего» превратится в «ого-го»!), но сеть коридоров и закутков превращают его в лабиринт. Остается только ниточку привязать и клубочек с собой носить, чтобы не потеряться. Ариадна же как-то спаслась при помощи клубка, я чем хуже?

Супруг моему появлению не обрадовался, хотя сдается мне, что это кислое выражение в области лица его обычное состояние.

– Кажется, вы обещали с сегодняшнего дня не заходить в мою комнату.

– Да кто, нас, женщин, поймет? – обворожительно улыбнулась, намекая Альберту, что пора покинуть нашу славную компанию. Дворецкий поклонился и бесшумно вышел.

Не дожидаясь разрешения мужа, расположилась на облюбованном кресле и привлекла к себе внимание. Так, зрительный контакт установлен. Перейдем к делу.

– Как вы знаете, ваше сиятельство, я по образованию токсиколог, – сказала и замолчала, подбирая слова.

Вы бы тоже тщательно слова подбирали, когда на вас смотрят таким взглядом, словно порчу наводят. Да и свежо в памяти касание ледяных щупалец, приковавших к сидению. Люди по-разному добиваются желаемого для себя поведения. Одни – вызывая в других уважение, иные – заставляя бояться, как граф. Это самый простой способ добиться нужного результата. Вот родители, например, чтобы добиться от ребенка необходимого поступка, обещают ему ремня. Я человек прямолинейный, но поскольку мне сейчас без сомнений обещали ремня, слова подбирала витиеватые.

– Мы бы могли помочь друг другу. Я уверена, что могу быть полезна в профессиональном плане. Доротея сказала, что ваши лекари отрезают конечности слугам при укусах змей.

– Все верно. Нужных сывороток на всех не хватает. Королевство не способно обеспечить их производство в необходимом объеме.

– Я смогу помочь. Обучить ваших людей технике безопасности, первым правилам самопомощи при укусе. Лекарям проведу медицинский ликбез, научу…

– Мы обходились без вас, поэтому как-нибудь справимся, – граф грубо меня прервал, и нарочито демонстрируя пренебрежение, отчеканил: – если это все – я вас не держу. Отправляйтесь по своим делам.

Женщина во мне требовала подняться, тряхнуть кудрями и удалиться с гордо поднятой грудью, зачеркнуть, головой. А вот ученый требовал проявить гибкость и приспосабливаться. Перед тобой пациент, Кристина. Он не властен над собственными эмоциональными реакциями… Ладно. Зайдем с другой стороны.

– Ваше сиятельство, скажу прямо. Есть вероятность, что я могу помочь вам с ногами.

В комнате похолодало. Лицо мужчины осунулось, стало острее, побледнело. Меня коснулись знакомые ленты, скользнули под подол платья, обвили мои лодыжки. Это было нежно-опасное касание. Я знаю, на что эти ленты способны и граф меня предостерегает. Этакое невербальное внушение. Получилось. Еще как получилось! Жутко до жути!

– Это не повод для шуток.

– Я не шучу, – сказала, храбрясь, хотя у самой поджилки тряслись. В отличие от простых смертных, я знаю где они находятся, и они правда тряслись. А еще в области желудка тряслось и зубы стучали немного, не то от холода, не то от страха. – Если вы позволите провести несколько эксперим…

– Нет! – отрезал граф и отвернулся.

– Но вы даже не дослушали!

– Я сказал нет! Покиньте мою комнату.

Я немного посидела, гипнотизируя взглядом графский затылок, но потом резко поднялась и хотела высказать все, что в душе накопилось. Даже рот открыла, но в очередной раз положение спас Этьен. У него, видимо, тоже супер сила имеется.

– Ваше сиятельство, – дворецкий поднес хозяину серебристый поднос с желтоватым конвертом. – Для вас письмо.

Граф небрежно разломал сургучную печать, пробежался взглядом по тексту. Не нужно видеть его лица, чтобы понять – недоволен. Он вообще всегда недоволен, но в этот раз особенно. Махнув на непутевого мужа рукой, я пошла к выходу.

– Графиня останьтесь! – раздался ледяной голос.

Остановилась, но присаживаться не спешила. Настроение моего нового мужа что вольный ветер. Только успеешь удобно в кресле устроиться, как уже пора на выход.

Его сиятельство изволило повернуться и, отложив листок, произнесло:

– Завтра прибывает посланник короля. При дворе сомневаются во мне и моих мерах воспитания, – быстрый взгляд на Этьена. Дворецкий едва заметно кивнул и поджал губы. Я вот тоже сомневаюсь в методах воспитания графа. Фиговые, прямо говоря, методы. Неправильные. Дурные какие-то. – Этьен, пригласи Джейду. Она должна немедленно прибыть в замок. Мы примем любые ее условия.

– Любые, ваша светлость?

– Любые. Даже оренара.

– Но вы не создаете дважды для…

– Этьен! Я сказал – любые условия.

– Понял. Тотчас же займусь этим вопросом.

По крупицам информации сложно делать выводы, но мне эта Джейда не понравилась авансом. Зачем мне в доме чужая девица? Еще поди и красавица. По закону жанра она должна оказаться злодейкой и красавицей, жадной до чужих мужей.

– Вы должны стать моей женой, – голос графа вывел из раздумий.

– Если меня верно проинформировали, мы и так женаты, – произнесла довольно и медленно опустилась в кресло. Назовем это врожденной интуицией или наблюдательностью. Что-то в выражении лица графа, в его интонации, и в полученной ранее информации подсказывало, что у меня козырь в рукаве, но я его пока не вижу. Его сиятельство о чем-то просит! И смотрит так в упор, словно я должна сама догадаться и слов ему потратить жалко. Стать его женой и… До меня медленно дошла суть. – Ах, женой! И что конкретно вы от меня хотите?

Вот положа руку на сердце, не хотела я смотреть туда, куда посмотрела. Взгляд как-то сам опустился на женилку супруга. Не работала она. Сломана. Выключена. Недоступна. Так о чем вообще можно говорить?

– Все, что делают обычные супруги. Кроме того, на что вы так вульгарно намекаете.

Меня пробило на смех. Дожила, Кристина. Взрослая баба, дипломированная, довольная жизнью, материально и сексуально удовлетворенная… Я всякие обвинения в свой адрес от зависти слышала, но что б в домогательстве… Граф сделал мой день.

– Знаете, вот без обид. Вы хороши собой, но характер напрочь отбивает любое желание познакомиться поближе. Даже не удивительно, что жена сбежала от вас, а новую идиотку вы вряд ли найдете.

Граф стойко и даже без намека на обиду принял мои слова, а затем вернул мне молотком по голове:

– Уже нашел.

Два ноль! Хорош, засранец. Снова меня обыграл!

– Так! – поднялась и улыбнулась максимально сладкой улыбкой. – Покину, пожалуй, ваше недружелюбное общество и выполню то самое обещание, о котором вы мне напомнили…

– Мадлен, мы не с того начали.

– Верно. Начнем с того, что я Кристина.

– Сядьте и забудьте это имя. С данного момента и на тридцать дней вы ее сиятельство Мадлен де Трувэ. И вы будете играть роль любящей жены, заботливой матери, рачительной и дружелюбной хозяйки. Вы окажете посланнику короля надлежащий прием и усыпите его бдительность.

– А звезду с неба не достать, милый?

– Никому не подвластна подобная магия, зачем попусту торговаться?

Ох, как же тяжко на чужбине! Им даже не понять всю глубину моего отчаяния!

– Хорошо. Скажу проще, раз не доходит. Нет!

– В башне запру! – холодно пообещал граф и спеленал меня своими путами.

– Да на здоровье! Запирайте сколько влезет. Я лучше в башне отсижусь, чем с вами рядом! Не уверена, что мне хватит актерского таланта находиться с вами в одной комнате и преодолеть стойкое желание огреть чем-нибудь тяжелым по голове. Исключительно клятва Гиппократа не дает мне этого сделать! Но и она не всесильна!

– Обязательно поблагодарю его за это, – ехидно заметил граф, а я едко усмехнулась.

– Надеюсь, в скором времени. И лично! Мой низкий поклон ему передайте, что от греха уберег!

Я пыхтела и тяжело дышала – внутри бушевала ярость, требовала выхода. По природе я вообще дама импульсивная, не склонна держать в себе эмоции, а уж когда рядом такой образец напыщенности и цинизма, у меня и вовсе тормоза отказывают. Мы как огонь и бензин. Лучше не смешивать, если не нужен пожар.

Граф пытался заморозить меня взглядом или переломить на две Кристины: верхнюю и нижнюю, или правую и левую, но у него не получалось. Его ледяной посыл плавился о мою огненную ярость. Я примерно понимала, что испытывают маги. Впервые чувствовала силу, что-то большее, чем я сама. Вот она – мощь разрушительных эмоций!

– Я согласен, – неожиданно отступил супруг. – Согласен помочь с вашим исследованием. Сядьте, Кристин. Объявим перемирие. На кону стоит нечто большее, чем наша взаимная неприязнь друг к другу.

Ему-то меня с чего невзлюбить? Я сюда не напрашивалась. Кого просил, того прислали. Стоп!

– Почему вы попросили у Обменжён меня? – спросила с лукавой улыбкой, когда граф перестал удерживать меня силой.

– Я не просил вас, а отослал Мадлен. Оставьте свои ограниченные умозаключения при себе.

Лучшая защита нападение, да? Не такая ты и ледышка, выходит. Там, внутри, за этим ледяным панцирем намека на аутизм сидит чуткая и ранимая душа, которой не хватает человеческого тепла? Что ж. Я не гордая. Мужчины редко уступают женщинам, не стану дергать тигра за хвост и испытывать пределы его терпения. Нельзя испытывать то, чего нет.

Села в кресло и предложила:

– Зачем играть в супругов, если вы можете всем сказать, что я из сервиса по обмену женами? У вас это не запрещено, я узнавала.

– Нет. Если король узнает, что я отослал Мадлен, возникнут вопросы.

– У меня уже возникли. Зачем вам другая жена?

Граф не хотел говорить, но не клещами же из него вытаскивать.

– Ваше сиятельство, разговор – это когда говорят двое. Если хотите, чтобы я вам помогла, рассказывайте, в чем дело. Желательно, с самого начала.

– Хорошо.

Граф поднялся. Не на ноги, а в воздух взмыл на своих лентах силы. Зрелище жуткое, словно призрака увидела. Я тоже подняясь. Подплыв ближе, его сиятельство протянул мне ладонь:

– Позвольте представиться, леди. Граф Арман де Трувэ. Можете обращаться ко мне по имени, в силу нашей супружеской связи.

– Кристина Золотова. Можете не стесняясь звать меня Мадлен. Но наедине я бы предпочла слышать собственное имя, чтобы не забыть, как оно звучит.

Вложила ладонь в теплую руку графа и крепко пожала, но муж перехватил мои пальцы. Невольно задержала дыхание, когда кожи коснулись теплые губы. Я

думала, мужчина такой же холодный, как и его сила, но нет. Прикосновения графа приятные и нежные, а сам он теплый. Живее всех живых. Пауза несколько затянулась. Я смущенно кашлянула, отняла свою ладонь и села на место, усиленно расправляя несуществующие складки на подоле. Что-то в жар бросило. И граф стоит в легком недоумении.

Спохватившись, он вернулся на свое кресло и смотрел на меня уже с большим дружелюбием. Не как бульдог на крысу, а как бульдог на двортерьера. Та же морда, только в профиль, как говорится…

– Итак, Арман, – улыбнулась, стесняясь поднять взгляд. Вот дура. Чего стесняться-то? Все тот же засранец передо мной! Холодный, бесчувственный и… Да кому я вру? Увидев новую сторону своего супруга, я уже не могу обвинять его ни в первом, ни во втором. Я вломилась в чужой дом со своими порядками. Это очевидно, что нам понадобится время привыкнуть друг к другу. У пар всегда так. Сначала конфетно-букетный период, потом притирка, взаимные упреки, обиды, бытовуха… И розовые облака иллюзий медленно тают. В один прекрасный момент ты понимаешь, что лежишь брюхом в самом настоящем болоте и остается с чистой совестью хрюкнуть.

– Кристин?

Отогнала депрессивные мысли. Когда жила с Игорем, мне казалось, что все как надо. Просто потому что у всех так, значит норма. Но оказавшись здесь, на Ирбисе, поняла, что хочу свободы. Что я тоже человек, личность! Что имею право не поднимать крышку унитаза!

– Я за унитазный феминизм!

– Что это значит? – нахмурился граф.

Подступающий маразм, вот что это значит.

– Простите, у меня настолько богатый внутренний мир, что порой я выпадаю из реальности, чтобы пообщаться с… – покрутила пальцем у виска. Да, я довольно самокритичный человек. – Итак. Вернемся к нашему делу. Почему мы должны играть в супругов?

– Разговор долгий. Выпьем кофе?

Напиток, который принесли, вряд ли на самом деле кофе. Но мне понравился. Нечто среднее между какао, горячим шоколадом, цикорием и, собственно, кофе. Ароматный, терпкий со специями и ноткой цитруса, бодрит и поднимает настроение.

Граф рассказал обо всем. Во всяком случае, коротко обрисовал ситуацию.

Во-первых, обмен женами возможен, когда все участники желают перемен. Непреложное правило. Против воли никто никого в другой мир не зашвырнет. Недовольных клиентов якобы не было, и за всю историю существования сервиса я пока первая такая нашлась. Кто его создал? Необъяснимое, конечно же. Вообще, у них тут все, что нельзя объяснить, приписывают Необъяснимому. Удобно, что! Надо взять на вооружение.

Во-вторых, я по-прежнему говорю на родном языке. А они говорят на своем языке. Необъяснимое, заботливое наше, адаптирует мировосприятие таким образом, чтобы знакомые мне явления я понимала так, как они понимаются на Земле. Например, тот же самый кофе наверняка никакой не кофе, а, не знаю, цумба-юмба или еще что-нибудь такое. Но поскольку моему сознанию это непонятно, оно переводит название напитка как кофе. Отсюда и непонимание между нами. Некоторые выражения Необъяснимое, как переводчик Google, переводит дословно.

В-третьих, магия.

Вот тут мы разговаривали долго и, о чудо, даже ни разу друг друга не убили. На Ирбисе какая-то проблема, о которой Арман распространяться не пожелал, и маги вырождаются. В принципе, и Необъяснимое бы с ней, с магией, но мы же на Земле пытаемся спасти животных из Красной книги. Раз они есть, значит для чего-то нужны. Тут так же. Маги служат государству, поставлены на жесткий учет, их размножение тщательно отслеживается, а потенциально одаренные дети – вообще отдельная надежда на то, что удастся восстановить род магов. Всего на Ирбисе осталось не более пары сотен одаренных. Самые редкие – лекари и творцы, подобно графу де Трувэ. Он создает оренаров – магических существ. Считается, что после смерти своего хозяина такое существо способно впитать в себя силу хозяина и передать ее наследникам, даже если те не

одарены магически. Оренары, как хранители, отдадут за хозяина жизнь. Как я поняла, это нечто среднее между фамильяром у ведьмы и волкодавом у людей. Для тебя он лучший друг, для других – смерть на ножках.

Так вот, Анахель – дитя двух одаренных родителей. Мадлен принадлежит к сфере созидателей, к стихии порядка и силе земли. Не особо поняла, хорошо это или плохо, но в совокупности с графом, Анахель должна быть очень одаренной девочкой и принадлежать тоже сфере созидателей, иметь стихию порядка и силу земли как мать, или эфира, как отец. Но что-то пошло не по плану и сил у девочки вовсе нет.

– Как так получилось? – отставила пустую кружку с местным кофе и подперла подбородок ладошкой. Граф интересно рассказывал, я словно сказку слушала.

– В том и вопрос. Дар раскрывается в ребенке годам к четырем, к шести его осваивают все одаренные. В девять лет, в день рождения мага, проходит испытание. Это день, когда Необъяснимое либо раскроет силу Анахель полностью, либо заберет ее. Последнее случается с магически одаренными детьми все чаще. Многие не проходят испытание и выгорают магически. Мы нанимали лучших наставников и учителей, с ней кто только не работал, но дар спит мертвым сном. Я даже побывал у прорицателей!

Таким тоном граф про прорицателей сказал, словно в чем-то постыдном признался. Обычно у нас таким тоном о лобковых вшах в анамнезе сообщают.

– И что они напрорицали?

– Сказали, что дело в нас с Мадлен. Что девочка одарена сильнее, чем мы думаем. Наставники не смогут раскрыть ее силу. Только некий дар сердца это сделает. Я объездил все библиотеки мира. Нигде и ничего не говорится о даре сердца.

Дар сердца. Что может быть проще?

– Арман. Прости, конечно, но мне кажется, все очевидно. Прорицатели имели в виду любовь. Мне неизвестна сила более созидательная, чем она.

Граф фыркнул и допил свой напиток.

– Не делайте так! Не закрывайтесь! Я пытаюсь вам помочь. Мне хватило нескольких минут наедине с Анахель, чтобы понять – это дитя обделено любовью. Мадлен кормила ее грудью?

– Как можно спрашивать о таком?

– Я врач. Могу спрашивать о чем угодно. Это важно.

– Нет. Сразу после рождения дочери, Мадлен… По совету лекарей она перевязала груди и отдала дочь кормилице. Сестра Жобера – нашего повара – как раз родила сына. Она и выкормила Мадлен.

И пусть Анахель не мое дитя, но глаза защипало от обиды. Маленький комочек только появился на свет, а уже оказался не нужен матери.

– Вы не просто так отослали свою жену. Понимаю, вам неприятно об этом говорить, но что еще она делала?

– Помимо того, что унижала дочь? – граф отвел взгляд и отвернулся. – Анахель всегда была для нее недостаточно хороша. Даже когда все идеально, Мадлен находила изъян. Сначала я заступался за дочь, а потом… Потом случилось это и…

Граф указал на свои ноги, а после и вовсе поднялся в воздух вместе с креслом и улетел к окну. Шторы на этот раз оказались раскрыты. Шел снег. Крупные хлопья медленно вальсировали в воздухе, забавляясь и радуясь жизни. Их век так короток, но они берут от жизни все. Нам бы поучиться! Мы упиваемся горем, хотя можем вопреки всему радоваться тому, что имеем.

– Вам стало не до дочери, – я поднялась и подошла ближе к графу.

Но не настолько близко, чтобы нарушить его душевный покой. Стояла за спиной на отдалении, любовалась заснеженными видами окрестностей. Вдали за пышными белоснежными полями черная полоска леса. А под окном низенькие постройки, домишки слуг и крестьян. Из труб валит сизый дымок, крыши

кутаются в снежные одеяла, с кромок которых свисают острые, блестящие на солнце сосульки. Сказочно. Волшебное время года.

– Анахель рано повзрослела. Приняла все с достоинством. Она знает, какая ответственность на ее плечах. Она – одна из немногих магов королевства. Если ее дар отомрет, король лишит нашу семью титула и имений, а ее заберут в академию благородных девиц, после чего выдадут замуж против воли.

– Незавидная судьба для девочки…

Теперь мне еще горче за Анахель стало. Не нужна ни матери, ни отцу, ни собственному королю. Как дойная корова. Если дашь молоко – отлично, будешь жить, а если нет – на мясо заколем…

– Когда Мадлен узнала, что мое состояние не исправить, перестала уделять мне внимание. Зачем, когда я не способен дать ей то, что она хочет. Сперва я понимал и закрывал глаза на ее интрижки. Но когда Анахель застала мать в объятиях наставника по магии – не выдержал. Подлеца уволил со скандалом, ее запер в башне, откуда она благополучно сбежала. Через два месяца вернулась – закончились деньги. А, поскольку брак, заключенный Необъяснимым, нельзя расторгнуть, ей ничего иного не оставалось, как жить здесь…

– Вы опасаетесь, что король, узнав об этом, отберет ваш титул и Анахель?

– А вы бы не опасались потерять дочь?

Граф посмотрел-таки на меня. Надо же. Только дочь, про титул ни слова. Возможно, не так он и безнадежен, как пытается показаться.

– А ей вы об этом говорили?

– Конечно. Анахель знает, что ей грозит.

– Нет. О том, что боитесь ее потерять? Что любите. Что она вам важна, независимо от дара.

Арман посмотрел на меня с осуждением и отвернулся. Некоторое время помолчал, а затем добавил:

– Теперь вы знаете все. Я должен убедить короля, что в день рождения Анахель все получится.

– А, если не получится, что тогда?

– Тогда я возьму дочь и уеду.

– Куда?

– Не знаю! – граф сжал кулаки и судорожно выдохнул.

Только эти едва заметные жесты показывали, как он страдает внутри. Правда боится потерять дочь. Так боится, что готов проститься с комфортом, лишь бы остаться с ней.

Шагнула вперед и положила ладонь на плечо мужа.

– Теперь, когда вы мне все рассказали… Я помогу вам, Арман. Сделаю все, что смогу. И для вашей дочери, и для вас.

Он перехватил мой взгляд, замерший на его коленях, и презрительно усмехнулся.

– Даже сильнейшие лекари королевства не в силах мне помочь.

– У нас уговор! Или граф де Трувэ не держит свое слово? Я ведь тоже могу пойти на попятную и, Арман, вы теряете куда больше, чем я!

– Согласен, – нехотя ответил мужчина. – Делайте, что считаете нужным. И с сегодняшней ночи вы будете ночевать в моей спальне.

– Вот здесь?

– Это проблема?

– Для меня? Нет конечно. Но вы-то сможете уживаться с другим человеком в своем личном пространстве?

– У меня просторные комнаты.

– Комнаты-то да. А вот ваша душа, сдается, тесновата.

– Я не прошу вас в душу ко мне залезть. Всего лишь переезд, – нервно заметил граф. – Какая вы все же несносная!

Улыбнулась. Прогресс! Мы уже говорим о чувствах! Прошло всего ничего с момента нашего знакомства, но терапевтический эффект на лицо.

– Я распоряжусь, чтобы ваши вещи принесли сюда. Можете заняться своими делами, мне нужно работать.

– Лучше уделите время дочери. Это пойдет ей на пользу.

– Разберусь без ваших советов. Впредь не смейте мне указывать. Тем более в присутствии слуг или гостей.

– Как скажете, мой господин! – ответила ехидно, делая нарочито корявый книксен, реверанс, поклон или как его тут правильно называют.

– Ваши манеры отвратительны. Я сегодня же вызову вам педагога по этикету.

Несносный тип! Невозможный! Отвратительный! Только кажется, что отношения налаживаются, он снова поворачивается филеем. Эмоциональным и физическим.

Вышла, громко хлопнув дверью. Хоть какое-то удовлетворение. Странные мы существа, женщины. Сделаем небольшую пакость и на душе сразу какое-то умиротворение наступает.

С чувством выполненного долга я отправилась исследовать свои владения. Ну, а не мои разве? Коль скоро я владычица местных булыжников и стерильных вещей, так нужно с ними ознакомиться.

Попетляла минут двадцать и поняла, что просто бродить – не мой вариант. Устала. И от ходьбы на неудобных каблуках, и от однообразия, и от скуки. Не со слугами же разговаривать. Никто не поймет, почему графиня вдруг так переменилась и воспылала интересом к слугам. Как я поняла, слуг Мадлен вообще за людей не считала.

В ходе инспекции узнала, что помимо сотен квадратных метров жилплощади, которая в большинстве своем не используется, у нас имеется множество вспомогательных помещений, а также питомник, лаборатории, оранжерея, театр, музыкальная гостиная, бальный зал.

За стенами замка тоже много чего имелось. Пока Доротея вела меня в домик лекаря, успела показать конюшни, многочисленные стойла с животными, поля, теплицы… Вот, кстати, здесь мне понравилось больше. Люди все румяные, улыбчивые, жизнью довольные. У каждого второго лицо поперек себя шире, сразу видно – питаются вдоволь, работой особо не загружены. Грешным делом подумала, что не прочь бы здесь остаться на крестьянском положении. А что – красота. Крыша есть, еда есть, защита есть, зарплату платят. Все собственное, никаких тебе ГМО, модифицированных ингредиентов, глутаматов, нитратов, фосфатов и прочих химикатов. Исследовательской работы пруд пруди и, что немаловажно, никаких тебе кредитов! Мне кажется, что ипотеку за двушку я выплачу только к шестидесяти. Хотя, почему же кажется. Так и есть по договору. Стану почетным собственником двухкомнатной квартиры, которая к тому моменту состарится и будет стоить в три раза меньше, чем я за нее отдала. Хорошее дело ипотекой не назовут! То, что тебя наглым образом облапошили начинаешь понимать только года через три…

Лекаря не оказалось, но я же дама настырная, к тому же, хозяйка! Смело прошла внутрь теплой избы, огляделась. Когда увидела большой стеллаж с книгами, сказала Доротее, что может меня не ждать. Иноземные знания! Иноземная медицина! Если мои глаза сейчас лихорадочно блестели, то отражали мое состояние!

Скинула с себя верхнюю одежду и бросилась изучать литературу. Ожидание не обмануло. Справочники и практические пособия по зельям, настоям, декоктам и

прочей народной медицине. Нашла толстый фолиант о ядах и противоядиях, потянула на себя…

– Сэдри-ик…

Замерла, прислушиваясь, откуда голос.

– Сэд, это ты?

Поставила книжку на место, на цыпочках двинулась в другой конец комнаты. Потом вспомнила, что я же тут хозяйка и спросила громким голосом:

– Кто здесь?

– Атим. Пациент Сэдрика.

Я вошла в комнату, откуда доносился голос, и заметила пациента. Лохматый мужчина, с густой рыжей бородой и длинными волосами, лежал на кровати с перебинтованной рукой. Выглядел неважно.

Значит, где живем, там и лечим. Не очень-то разумно с точки зрения собственной безопасности. Огляделась. Комната недавно проветривалась, но ни халата, ни перчаток, ни маски для лица, ни шапочки. Никаких средств защиты пациента, а Бог его знает, чем этот самый Атим болеет.

– Графиня! – испугался мужчина. – Простите, ваше сиятельство. Я бы поклонился, но…

– Лежи. Что с тобой?

– Так арвен покусал.

– Кто?

– Арвен, – повторил мужик и взвыл от боли.

Надо полагать, это название зверя, а не чье-то имя. Хотя, кто его знает, жителей Ирбиса. Может у них тут люди друг на друга кидаются. Хотя, судя по величине раны…

Подошла ближе, откинула одеяло и замерла. От руки мужчины по сетке сосудов расползались черные отметины.

– Вы заражены…

– Мне недолго осталось, – прохрипел Атим. – Три, может, четыре часа. Яд арвена распространяется молниеносно…

На людях я свое противоядие еще не испытывала, только на животных. Но передо мной умирающий пациент. Если я не попробую помочь, то не прощу себе этого.

Провела внешний осмотр, измерила пульс. Давление осталось для меня загадкой, но, судя по косвенным признакам – повышенное. Зрачки расширены, потоотделения нет, хотя должно быть. По субъективным ощущениям жар. Мочеотделения тоже нет. Действительно плохо. Если бы токсин выходил через пот и мочу, было бы легче.

Собрала анамнез, побеседовала с пациентом и вернулась в комнату с книгами и склянками. Для моего противоядия не требуются готовые медикаменты. Я разрабатывала формулу на тот случай, если человека укусит змея, когда он в лесу. Откуда в лесу атропин или супрастин? Вряд ли кто берет на пикник целую сумку таблеток на все случаи жизни. Нет, я разработала формулу на основе сочетаемости сильнейших свойств разнообразных растений, вот только растут ли они здесь?

Спешно провела осмотр помещения. Растения нашла. И сушеные, и живые в горшках, и живые без горшков. Откуда у лекаря посреди зимы свежая крапива и, кажется, что-то похожее на мелиссу – та еще загадка. Но, к сожалению, нужных мне ингредиентов не оказалось. Что, если на Ирбисе они вообще не растут?

Книги!

Достала справочник по растениями принялась изучать. Судя по указателю, большая часть трав на Ирбисе растет. Но некоторых, например, чистеца лесного, нет. Придется искать аналоги. За пару часов, конечно, нереально, но я хотя бы попробую!

Покопалась в запасах местного лекаря. Вот если бы он сам явился, все было бы куда легче!

– Что вы делаете? – раздалось за моей спиной.

Если бы я знала, что это так работает, сразу бы попросила!

– Сэдрик?

– Ваше сиятельство? – удивился мужчина и поклонился прямо в тулупе. Немного неуклюже, но искренне.

– Живо раздевайся. Нам нужно спасти Атима!

– Увы. Атима не спасти. Он доходит. Ходил к его жене и детям, отнес лекарство для младшенького. Воспаление легких.

– Чем вы лечите?

Мужчина снял тулуп, повесил его на крючок и ухватился за заснеженные валенки.

– Знамо чем, когда магия закончилась. Травами, госпожа. Травами. Мать-и-мачеха, липовый цвет, редька на меду.

У-у… Средневековье! Твою ж! И правда ведь средневековье. Никаких тебе антибиотиков. Да хотя бы цефазолин мне сюда, отходила бы малыша в два счета! О! Есть же проверенное средство. Шансов мало, но хоть что-то.

– А банки пробовали?

– Банки? – мужчина сбросил валенки и поднял на меня изумленный взгляд. – Какие банки?

– Обычные, на спину.

– Вы говорите странные вещи. Боюсь, я вас не понимаю.

Вот как не выдать свое инкогнито, и ребенку помочь?

– Когда я была во дворце, то видела, как одной из фрейлин королевы лекарь ставил банки!

– Фрейлине покойной королевы? – изумился Сэдрик.

Так. Мне срочно нужна информация! Много информации! Читать, читать и еще раз читать!

– Неважно, – отмахнулась я. – В общем, видела, как во дворце придворный лекарь ставил банки и тем самым спас женщину от смерти.

– А почему не воспользовался магией? Воспаление хорошо поддается магическому лечению, а у придворного лекаря почти неиссякаемый запас.

Ишь какой дотошный попался!

– Аллергия, – произнесла с сочувствием.

– На магию? – густые брови лекаря поползли вверх. – Вы удивительные вещи рассказываете, госпожа. Чего только в мире не бывает!

Мужчина поднялся и указал на дверь.

– Вы позволите вымыть руки?

– Да Бо… – осеклась, вовремя припомнив, что в местном пантеоне не водится богов. – Хорошенько и с мылом! – приказала строго, возвращаясь к запасам трав.

Думала, лекарь гораздо старше. Вообще, по классике жанра ожидала увидеть бородатого старика, а не молодого мужчину. Под сорок, может быть. Высокий, крепкий, как любой деревенский мужик, широкоплечий, мускулистый. Стрижен коротко, и только густые широкие брови выделяются на фоне правильного лица. Симпатичный даже. Харизматичный, во всяком случае. А уж как удивляется забавно!

– Ваше сиятельство?

– А?

Сэдрик тщательно вытирал руки о белое вафельное полотенце и кивнул в сторону стола.

– Что вы искали в мое отсутствие?

– Что-то, что поможет спасти Атима.

– Атима не спасти. Яд арвена убьет его через два, от силы три часа. Он уже подбирается к сердцу.

– Сэдрик. Ты умеешь хранить секреты? – спросила заговорщически.

Мне все равно придется экспериментировать с сыворотками для графа, поэтому так или иначе нужно заручиться поддержкой местного лекаря. Не хотелось бы каждый раз выдумывать новые истории, потому выдумаю одну, но крепенькую.

Рассказала, будто тот месяц, что Мадлен не было в замке, она училась при дворе короля лекарскому делу. Ну, мало ли какая блажь в головушку графини взбредет. Вот, де, теперь мне нужно руку набивать, практиковаться. Лекарь слушал мой рассказ внимательно, кивал и… не поверил, кажется. Но ничего против не сказал.

– Как, говорите, зовут лекаря, который вас обучал?

– Э-э… Я такая рассеянная. Не запомнила совсем!

Еще немного подумав, Сэдрик кивнул и принял меня в свою команду. Не поверил. Ни единому моему слову не поверил, но принял.

С его помощью дело пошло быстрее. Я выяснила, что вся медицина в Ирбисе строится на иных началах. Магия! Разумеется. У них нет вирусов, нет грибков или бактерий. Все болезни у них вызваны, ага, деструктивной энергией. Черной магией, короче, проклятиями и сглазом. Ну, это, в общем-то, вполне объяснимо духом времени. Лечение, соответственно, предполагается в первую очередь, магическое. Зелья, заговоры, рукоположение. По-моему, проще на болезнь положить кое-что другое, с тем же эффектом, но нет. Сэд говорит, что помогает иногда…

У него тоже магия есть, но слишком маленький запас. Для помощи Атиму требуется несколько его резервов. В общем, какой-то бесполезный в графском поместье лекарь. С его доходом мог бы и получше кого найти. Но в ходе работы я выяснила, что недостаток магии Сэд компенсирует знаниями. Он хорош в приготовлении зелий, мазей, притирок, настоек и всякого иного продукта народной медицины. Эффективность, в сравнении с медикаментами так себе, но хотя бы что-то.

Я в общих чертах рассказала о своей формуле универсального противоядия. Мужчина слушал внимательно – эта черта меня вообще в нем подкупила, любой мой бред, даже вранье о дворце, он слушал очень внимательно, – а потом выдал:

– Нет, ваше сиятельство. В таком виде формула не сработает. Слишком нестабильна. Сок ааравы, – да, названия земных трав тут сами собой на местные переделываются, – лучше заменить вытяжкой летици. И добавим для закрепителя и катализатора яд мантикоры.

– Яд мантикоры?

Сэд терпеливо пояснил принцип действия этого яда, и я сникла. С одной стороны – замечательный ингредиент. Для моего противоядия подходит, но на Земле не существует ничего с подобным принципом действия.

Примерно через час мы изготовили светло-сиреневый пузырек с противоядием. Шансов, что сработает, очень мало. Кроме того, это временное противоядие. Оно лишь замедлит распространение яда, но не деактивирует его. Разве что

частично.

Мы влили содержимое склянки в Атима, частично обработали рану снаружи и частично пустили в кровь. Не знаю, какого эффекта я ждала, но хоть какого-нибудь.

– Сработало? – разорвала тишину через несколько минут напряженного ожидания.

Мы с Сэдом прислушались к тяжелому дыханию пациента, измерили пульс, температуру, давление. Оказывается, тут имеются камни, показывающие состояние больного. Для давления, для температуры. Без цифр, конечно, но местные лекари оценивают эффект по изменению цвета. Если плоский камень давления становится красным – давление высокое. Синим – низкое. Чем насыщеннее цвет, тем, соответственно, выше или ниже давление. То же самое с температурой.

Стабилизировать пациента удалось. Где-то через четверть часа выровнялись все жизненные показатели, а распространение черных полос по телу остановилось.

– Поразительно! – восхитился лекарь, подняв на меня горящий взгляд. – Графиня, вы сотворили чудо!

– Да какое же чудо? Чудо было бы, удайся нам поставить Атима на ноги.

– Не тешьте напрасных надежд, ваше сиятельство. Без магии это невозможно.

Хотела бы я сказать, что на земле мы как-то справляемся без магии, но если подумать, арвен – магический зверь, и яд у него тоже магический.

Стоп! Я забыла основы токсикологии. Чтобы изготовить противоядие, необходим яд.

– Сэд, у тебя есть образец яда арвена?

– Нет. Не найдется глупца, который добровольно пойдет добывать его.

– А как вы здесь проводите анализ крови? Как определяете, есть в крови токсины или нет, а если есть – какие именно?

Поняла, что проговорилась, но мужчина как-то странно улыбнулся, кивнул и позвал меня обратно в лабораторию.

Камни. Ну конечно же. Очередные магические камни. Чем-то похоже на клавиатуру. Маленькие разноцветные камушки разных форм и размеров стройными рядками лежали на плоской пластине. Рядом – множество пробирок, пипеток, стеклянных полосочек и прочих понятных и малопонятных для меня инструментов.

С энтузиазмом маньяка я снова взялась за работу. Мы проанализировали кровь Атима. Мне удалось выделить токсин, но на разработку противоядия слепым методом могут уйти дни, или даже недели!

Состояние мужчины мы стабилизировали до последнего. Когда у него остановилось сердце, я делала массаж, искусственное дыхание. Только через полчаса Сэдрик заставил меня остановиться и признать, что мы проиграли схватку. Признавать свое поражение очень тяжело. Неужели я попала на Ирбис, чтобы расписаться в собственном бессилии? Ведь я токсиколог! Яды и противоядия – это моя жизнь, это мое все. Что мне какая-то магия? Должны же быть обыкновенные вещества, не магические! Ведь кровь у людей Ирбиса точно такая же.

Хотя, откуда мне это знать без микроскопа?

Мы потеряли Атима и пережить это было не просто. За время учебы и даже работы я повидала множество смертей, так что обошлось без истерики, но впервые пациент умер на моих руках. И пусть мы потеряли Атима, но для других, укушенных арвеном, теперь появился шанс! Кроме того, я намеревалась спасти его сына. Воспаление легких без антибиотиков вылечить практически нереально. И тут я вспомнила о бессмертных помощниках, которые наверняка существуют даже на Ирбисе.

– Сэд, у вас плесень есть?

– Что?

– Плесень! Мы не спасли Атима, но спасем его сына. Нам нужна плесень.

– Ваше сиятельство, я не уверен, что…

– Зато я уверена, Сэд! – воскликнула, стиснув ладони лекаря. – Я уверена. Ты ведь знаешь – могу просто приказать.

– Я никогда не боялся наказания. Тем более вашего, Мадлен…

Ну, здрасьте-приехали! Остался ли в замке хоть один мужик, с которым графиня не кувыркалась? Мужчина нежно погладил мои ладони и грустно улыбнулся. Ладно, не опасный тип. Просто влюбленный, не агрессивный, молчаливый и терпеливый.

Первым делом мы проверили состояние ребенка. Тяжелое. Я научила Сэда ставить банки, объяснила принцип действия.

– Смотри, – произнесла, нагревая банку и прикладывая ее на спину малыша. – Сейчас в легких ребенка… э-э… бесчинствует, пусть будет, деструктивная энергия. Без магии, – читай, без антибиотиков, – мы не можем ее побороть. Зато мы можем заставить ее выйти из тела!

– Правда? – всхлипнула женщина.

Самое тяжелое – наблюдать за страданиями пациентов и их семьи. Только что потеряв мужа, она могла лишиться еще и ребенка. Другие ребятишки испуганно подглядывали за нами в щель деревянной двери. Уже стемнело за окном, спать бы им пора, но волнуются за братика, видимо.

– Это не точная наука. Но да. Энергия выйдет в подкожную клетчатку, туда, где организму проще всего ее перебороть.

Поставила вторую банку. Дальше к делу подключился Сэд. Все же я тут не навсегда, пусть научится. Возможно, этот способ поможет спасать детские жизни, когда я вернусь на Землю.

С малышом мы остались на час. Я дала женщине советы по уходу и обеззараживанию помещения, о том, как сберечь других малышей и пережить зиму, чтобы никто не заболел. О положительной динамике говорить рано, но дыхание малыша стало более мягким и спокойным. Когда мы уходили, он забылся сном на материнских коленях.

– Вы удивительная женщина, графиня, – негромко произнес Сэд, когда мы возвращались в его избушку.

Стояла чудесная погода. С черного, как смоль неба, сыпался пушистый снежок. Все совсем как на Земле. То же небо, те же звёзды, только люди другие и традиции тоже.

Сэд молчал, изредка кидая на меня осторожные взгляды. Я делала вид, что не замечаю. В компании мужчины мне было хорошо и уютно. По-душевному тепло. Впервые за день не чувствовала себя чужой. Впервые понимала, что не нужно держать барьеры и строить из себя ее сиятельство. Ну, какое я сиятельство? Даже по токсикологии светилом еще не стала. Хотя со знаниями, полученными на Ирбиса, вполне могу продвинуться в данном направлении.

– Вы наверняка проголодались. Хотите чего-нибудь? Хотя бы чаю?

– Да. Было бы неплохо. А мед есть?

– Гречишный.

– Превосходно!

Сэд остановился и осторожно тронул меня за руку.

Так…

В свете фонаря его открытое лицо с красными от мороза щеками казалось совсем детским.

– Вы же не Мадлен…

И вроде это не преступленье, а сердце зачастило пугливым зайчишкой.

– А с какой стати ты обращаешься к госпоже по имени?

– Ты сама меня об этом просила.

Приплыли. Нас с графом ждет тяжелый разговор. Графиня слишком бурную деятельность на мужском фронте развела. Сомневаюсь, что у меня получится ее изображать и не попасться. Или прежде, чем знакомиться с мужчиной, уточнять, пили ли мы с ним на брудершафт?

– Правда?

– Правда, – негромко ответил лекарь. – А еще у нее аллергия на гречишный мед. Вообще на мед, но гречишный в особенности.

– Ты поэтому догадался?

– Догадка возникла сразу. Мадлен знает о королеве и никогда не интересовалась медициной. Значит, вы попаданка?

Пожала плечами и улыбнулась. Страх отступил, оставив после себя жар на щеках. Или это мороз кусался. Ночью он всегда усиливается.

– Я Кристина. С Земли, – сняла пушистую варежку и протянула ладонь. – Сама не рада, что здесь оказалась. Это меняет планы насчет чая?

Мужчина улыбнулся и неуверенно пожал мою ладонь. Все же жест на Ирбисе, как я поняла, не принятый.

– Напротив! Любопытно обсудить то противоядие, что мы применили к Атиму.

– Это еще что! Я планирую открыть этому миру антибиотики! И много, много чего еще столь же великого!

Так и подмывало добавить «долой естественный отбор!» но звучало бы слишком пафосно. А что, если подумать, мое имя на Ирбисе будет греметь в веках. Первооткрыватель антибиотиков! Или здесь их назовут чудодейным зельем? Лишь бы меня на костре не сожгли, мало ли, какие они тут темпераментные…

За чаем мы с Сэдом обсудили щекотливую ситуацию с моим попаданством. Поскольку это дело не лечится, придется ждать и терпеть. Сэд оказался на редкость адекватным мужчиной. Обещал никому не раскрывать мой секрет и даже всячески помогать с лекарством для графа. Все хорошо, только влюбленный взгляд немного смущал. Во мне мужчина упорно видел Мадлен, поэтому я просила называть меня Кристиной. Чтоб не забывал разницу. Да и вообще…

– А граф тебя не хватится? – спросил Сэд, помешивая лапшу, пока я подготавливала плесень к добыче пенициллина. В кустарных условиях при минимальной аппаратуре выйдет очень слабенькая концентрация, но все лучше, чем ничего. Будь здесь моя химическая лаборатория…

Вздохнула.

– Не думаю. Он меня видеть не желает. На редкость мерзкий тип. Понимаю, что больной, но все равно. Не перевариваю его.

– К счастью, ты не желудок. Переживешь.

Мы рассмеялись, окончательно стерев границы меж друг другом. Профессиональный юмор сближает.

– Главное не влюбись в него, – с отчаянием попросил Сэд. Хорошо, что в этот момент я не могла отвлечься от процесса, иначе выйдет из-под контроля и придется начинать заново.

Лекарь закончил готовить ужин, разложил по тарелкам нехитрое блюдо и позвал к столу. Кушать, конечно, хотелось, но когда у тебя под носом цветет пышным цветом пенициллиновая плесень, это заставляет несколько сбавить обороты.

– Подойди сюда. Научу тебя кое-чему.

Сэд нерешительно замер неподалеку. Я немного подвинулась и кивнула, приглашая его присоединиться к процессу. На самом деле соскабливать плотную зеленую плесень с хлеба – не самое приятное занятие, но я должна передать свои знания.

– Смотри. Зеленая плесень на хлебе – это зрелый грибок, который содержит вещество пенициллин.

Заставила Сэда склониться еще ближе, чтобы при свете свечи разглядеть споры плесени. Мужчина касался меня плечом, а мои волосы щекотали его щеку и, видимо, нервы, потому что он заметно смущался.

– Уверена, что плесень поможет ему?

– Я доктор, Сэд. Конечно, в своем мире мне и в голову не придет давать ребенку плесень в таком виде. Уж как минимум острый понос ему обеспечен. Но мы в той ситуации, когда ожидаемая польза несоизмеримо выше возможного вреда.

– Он на самом деле плох, – согласился мужчина. – Я израсходовал весь резерв. На восстановление понадобится не меньше недели. Будь у меня больше магии…

– Все делается к лучшему. Будь у тебя больше магии, мы бы не открыли миру пенициллин!

Я закончила соскребать плесень с хлеба и тщательно рассмотрела полученное вещество. Частично пущу на раствор для ребенка, частично – для создания более сильного антибиотика. Концентрация сейчас ничтожно маленькая.

– Мне понадобятся лактоза, кукурузный крахмал, марганец, натрий и кальций.

Не была уверена, что все вышеупомянутое здесь имеется, но повезло! Сначала мы приготовили микстуру для дочери Атима и отнесли юному пациенту. Затем поужинали и принялись создавать первые на Ирбисе медикаменты.

Работа спорилась. Сэд перестал воспринимать меня исключительно как объект желания и стал относиться профессионально. Мы делились опытом, шутили, смеялись, помогали друг другу. Пару раз выглядывали на улицу, когда слышали

странный шум, но процесс требовал тщательного контроля, поэтому возвращались за стол.

– Что ж, – выдохнула устало и, положив ладонь на плечо друга (да, мы точно подружились!), улыбнулась. – Теперь этому необходимо настояться и можно продолжить. Отфильтруем, проверим концентрацию и начнем пробовать.

– Это безопасно?

– Сначала на мне, Сэд. Я готова рискнуть собственным здоровьем, чтобы доказать безопасность полученного медикамента. И, кстати…

Что кстати, договорить не успела. Да и забыла. Потому что дверь слетела с петель. От испуга я кинулась на Сэда, он пошатнулся и, чтобы не разбить наше лекарство, дернулся в другую сторону. Мы повалились на кресло и замерли. В итоге я оказалась верхом на лекаре с задранными юбками. Такое нарочно не придумаешь!

Метнула то ли гневный, то ли испуганный взгляд на ворвавшегося и осеклась. Меня окутали знакомые ледяные ленты. Торопливо прошлись по спине, ногам, лицу, шее и, убедившись, что я цела, вернулись к своему хозяину.

Граф завис над землей, полураздетый, кстати, что недальновидно в такую-то погоду. Зрелище откровенно пугало. Луна еще полная, ночь вокруг, а глаза мужнины огнем полыхают, смерть в муках обещают или как минимум ремня и без эротического подтекста.

– А что это вы без шапки? – ляпнула невпопад, продолжая восседать на Сэде.

У графа дернулся глаз.

– И вообще не одеты толком.

Испепеляющий взгляд супруга прошелся по мне и замер на обнаженном колене. Туше. Вскочила на ноги, поправила юбки. Сэд тоже поднялся и, виновато потупив взгляд, произнес:

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/romanova_ekaterina/novogodnyaya-zhena

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити